

ДМИТРИЙ КАЗАКОВ

Дорога из трупов

Дмитрий Львович Казаков
Дорога из трупов
Серия «Лоскутный мир», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=314542
Дорога из трупов: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-41316-4

Аннотация

В великий и древний город Ква-Ква пришел кризис...

И не простой, а эхо-гномический. А это значит, что во всем виноваты гномы (по мнению людей), все нелюди (по мнению Чистой Лиги), богатые (по мнению бедных) и городская власть (по общему мнению).

И народ потихоньку стал подумывать, что давненько он не бунтовал...

А еще на окраинах начали находить трупы с вырванным горлом, студенты видели на окраине давно вымершее чудовище, а в страже появился новичок. Такой шустрый, что сразу видно – далеко пойдет.

И все это вместе страшно... смешно.

Содержание

Часть первая

4

Конец ознакомительного фрагмента.

135

Дмитрий Казаков

Дорога из трупов

*Терри Пратчетту – великому и
неподражаемому.*

Всем упертым карьеристам.

Часть первая

Люди убеждены, что всякая история имеет четко обозначенные начало и конец.

Но это лишь доказывает то, что человеческое сознание не только линейно, а еще и ограничено.

На самом деле любую Сагу о Великом Герое можно начать с момента встречи его дедушки с бабушкой, а закончить не в момент торжества над Вселенским Злом, а после того, как могилу Героя забудут и свившая гнездо на могильном камне птичка очень не вовремя справит нужду на голову очередному добру молодцу, как раз собравшемуся замахнуться мечом...

Все истории переплетаются, образуя некое полотно, окинуть которое взглядом может разве что Творец.

Нашу историю можно начать с момента, когда компания

богов, то ли безумных, то ли просто очень хорошо проводивших время в божественном аналоге Амстердама, создала мир.

Самым простым способом – с помощью плагиата.

Божественного плагиата.

Для этого они надергали кусков самых разных Вселенных и сшили из них нечто вроде огромной скатерти. Украсили ее всяческими прибабасами типа солнца, системы обогрева, работающей на горючих душах...

А потом боги протрезвели и... скорее всего, ужаснулись.

После чего отправили свое творение болтаться в космосе подальше от взглядов приличных существ (то есть тех, что изобрели астрономию).

Можно начать нашу историю с этого момента, но мы поступим более традиционно.

* * *

В любом городе обитаемой Вселенной есть стража. Надо же кому-то с воплями гоняться за преступниками, бродить по темным улицам и питаться кофе с пончиками! Имеется она и в Ква-Ква, самом большом городе Лоскутного мира, где носит забавное название – Торопливые.

Возглавляет местных стражей порядка не какой-нибудь там капитан, а Магучий Единственный Ночальник Торопливых.

И занимает эту должность Игг Мухомор, прирожденный полицейский.

По крайней мере, в том, что касается дурного нрава и склонности гореть на работе.

В данный момент он сидит в своем кабинете, где непонятно почему всегда пахнет брагой, и на лице МЕНТа, багровом и круглом, кверху переходящем в лысину, красуется плохо скрываемое удивление.

Вызывает его то, что по другую сторону стола сидит желающий стать стражником.

Точнее, то, что этот желающий не выглядит сумасшедшим.

Было бы неверно утверждать, что Торопливые не обладали в городе авторитетом. Авторитет у них был, огромный – можно сказать, даже колоссальный, просто являлся он величиной отрицательной.

Все, вплоть до последнего гоблина, приехавшего в Ква-Ква два дня назад и живущего в ящике из-под селедки, знали, что Торопливые не смогут поймать даже собственную задницу, пойдя она на преступление. Что они берут взятки, когда у них хватает для этого ума, а случается подобное не так часто, что они первыми бегут от опасности.

– Так, начнем сначала, – сказал Игг Мухомор. – Повтори, как тебя зовут?

– Форн Фекалин.

– И ты хочешь служить в страже?

– Да. Защищать закон и порядок. И найти свое место в жизни.

Торопливые имели к закону и порядку примерно такое же отношение, как сапог – к балету. То есть балерины выступают в обуви, и у нее есть носок, подошва и приближенно сапожная форма...

– Хм! – Игг Мухомор вынул из кармана клетчатый носовой платок и принялся вытирать лысину.

Тот, кто назвался Форном Фекалином, был невысок и мог похвастаться тем сложением, обладателей которого кличут словом «жилистый». Бледное длинное лицо характеризовалось крайним отсутствием индивидуальности. Уши, глаза, волосы, нос – все как у людей, стандартный комплект, взгляду не за что зацепиться.

Хотя для стражника это скорее плюс – преступник не запомнит твоей рожи, чтобы потом найти и поколотить.

Но не имелось в этом лице, в скромной, но опрятной одежде ничего, что указывало на причину, по которой Форт Фекалин захотел стать Торопливым.

– Тебе розовые слоники не мерещатся? – спросил Игг Мухомор с тактичностью падающего на голову кирпича. – Или чертики зеленые?

– Нет.

– В полнолуние не начинаешь выть? Ходить во сне?

– Нет. – На лице Форна Фекалина появилась слабая улыбка.

– Может быть, ты любишь убивать? Ешь сырое мясо? Или... – тут МЕНТ затаил дыхание, – полагаешь себя героем?

– Нет.

– Хорошо. Тогда считай, что собеседование ты прошел.

– Да? – Форн Фекалин нахмурился. – А я что, не должен доказать, что умею владеть оружием? Показать, что знаю законы? Предъявить какие-нибудь рекомендации? А?

– На самом деле нет. – Игг Мухомор немного посопел и решил расставить все точки над всеми буквами: – Оружие стражнику не очень-то нужно. Еще поранишь кого. Законов этих никто на самом деле не знает, от них морока одна. Рекомендации в Торопливые тебе дадут лишь в сумасшедшем доме. Понял?

– Да.

– Вот и славно. – МЕНТ прокашлялся и рявкнул: – Дежурный!!!

Форн Фекалин, не привыкший к звуковым атакам подобной мощности, вздрогнул, и на мгновение что-то странное произошло с его глазами. Игг Мухомор не успел понять, что именно, поскольку дверь открылась, и вошел дежурный сержант.

– По вашему приказанию прибыл! – объявил он.

– Так, отведи вот его в караулку... Он с сегодняшнего дня принимается на службу этим... постовым. В подразделение лейтенанта Лахова. Пусть тот объяснит ему про довольствие,

выдаст снаряжение и все прочее. Ты понял?

– Так точно.

МЕНТ посмотрел на Форна Фекалина:

– У тебя вопросы есть?

– Нет.

Когда за сержантом и новоназначенным постовым закрылась дверь, Игг Мухомор облегченно вздохнул.

Он решил, что избавился от небольшой проблемы.

И на самом деле он даже в чем-то был прав.

Маг по имени Урно Кеклец обладал настолько суровым лицом, что, увидев его, самые опасные бритвы должны были кончать жизнь самоубийством.

И немудрено – Урно Кеклец возглавлял кафедру демонологии в Магическом Университете, самом старом, почтенном и жутком учебном заведении Лоскутного мира. Сам по себе МУ был местом очень странным, а уж кафедра демонологии выделялась на общем фоне.

Если построить график странности, то она торчала бы, как волос на родинке.

Сейчас Урно Кеклец улыбался, и только фотографию одной этой улыбки можно было использовать для изгнания демонов. К счастью для них, процесс фотографирования в Ква-Ква еще не изобрели.

Сидевшие перед заведующим кафедрой студенты глядели на него почти без страха.

За пять лет успели привыкнуть.

– Господа студиязусы, – сказал Урно Кеклец, – шестой курс – не время для отдыха. К следующему лету мы дадим вам пинка под зад... то есть, я хотел сказать, с радостью проводим из стен МУ. Вы знаете порядок. С первого месяца вам предстоит начать работу над дипломным трудом. Осень должна посвящаться штудиям. Но ученый совет университета решил...

– Очередную гадость затеяли, – вздохнул студент, что сидел в углу, около окна.

Звали его Арс Топыряк, и он был бы очень похож на Гарри Поттера, если бы носил очки и имел на лбу шрам.

– Точно, – вздохнул сосед Арса, откликнувшийся на имя Нил Прыгскокк и обладавший внешностью мастерски раскрашенного снеговика, которому вместо ведра на макушку положили кучку рыжей пакли.

– Типа, – поддержал беседу двоечник Рыггантропов, перенесшийся в аудиторию словно из каменного века.

Смени Рыггантропов зеленую мантию на вонючую шкуру, неандертальцы приняли бы его за своего. И не просто приняли, а избрали бы вождем.

– Сссс, – прошипел четвертый студент, маленький, ушастый и очень глазастый.

Тем, кто видел его в первый раз, он напоминал помесь Чебурашки с филином.

Принадлежал этот биологический феномен по имени Ти-

ли-Тили к народу йода и изъяснялся исключительно шипением. При этом он ухитрялся переходить с курса на курс, сдавать экзамены и зачеты, в том числе устные.

Урно Кеклец тем временем закончил лирическое отступление, посвященное мудрости университетского начальства, и сообщил:

– Ближайшие три месяца вам придется провести на социальной практике.

В аудитории наступила тишина. Стало слышно, как негромко урчат студенческие мозги.

– Э, прохфессор... – подал голос отличник Орlando Хряпс. – Социальную? А что это значит?

Будущие демонологи знали, что такое архивная практика (когда копаешься в старых ненужных бумагах), что такое практика общемагическая (когда занимаешься полной ерундой), полевая (когда предыдущая ерунда кажется тебе важной и крайне интересной)...

Но о социальной они слышали в первый раз.

Урно Кеклец нахмурился – брови его сошлись с хорошо различимым металлическим лязгом.

– Кхм-хм, – прокашлялся он. – Ну, извольте знать, в последнее время участились случаи... что наши выпускники, только попав за пределы университета, ведут себя это... не совсем адекватно...

– Испепеляют людей за резкое слово и все такое? – спросил Арс негромко.

Но заведующий кафедрой его услышал.

– Ну да, примерно так, – кивнул он. – И мы решили, что это как бы плохо отражается на репутации МУ.

– Но почему? – Шептать Рыггантропов не умел. Это получалось у него так гулко, словно двоечник сидел в пещере. На самом деле маленькая пещера сидела на его туловище и называлась головой. – Когда всех испепеляешь, тебя уважают, в натуре... И никакой репутации не надо.

А вот этой фразы, эхом отдавшейся в углях аудитории, Урно Кеклец благодаря какому-то акустическому феномену не услышал.

– И поэтому мы должны научить вас жить в обществе, – вещал он с тем истовым блеском в глазах, который возникает, когда человек сам понимает, что несет полную ерунду, но не может остановиться, – не причиняя вреда окружающим существам... сделать вас полноценными частицами социума, научить правилам общежития и поведения в активной среде...

Тили-Тили, прозванный сокурсниками Трали-Вали, озадаченно засвистел.

– Так что вот, – с облегчением выдохнул Урно Кеклец. – Эту практику нужно пройти, отчет написать и все такое. Кто не пройдет – не будет допущен к диплому. Всем ясно? Или есть вопросы?

Тут вопросы чудесным образом исчезли даже у самых головастых.

– Вот и хорошо. – Заведующий кафедрой взял со стола лист пергамента. – Так, посмотрим, кто у нас куда направляется...

Арс вздохнул, предвкушая неприятности.

После того как он уничтожил реализатор справедливости, созданный тысячи лет назад одним безумным магом, удача решила, что Топыряк обойдется и без нее. А неудача свила гнездо где-то поблизости. Результатом стала история с беглым демоном и странным гостем из иного мира, а также куча мелких неприятностей, которые не столько создавали проблемы, сколько портили настроение.

Так что и сейчас Арс не ждал ничего хорошего.

Его вполне могли отправить на практику к ассенизаторам, в их подземное вонючее царство, или к...

– Топыряк, Тили-Тили, Рыггантропов, – объявил Урно Кеклец, – музей Натуральной истории.

– Ы? – сказал Рыггантропов, а йода нервно взмахнул ушами.

Про этот музей знали все студенты, но бывали в нем лишь самые заученные умники. По слухам, он благополучно покрывался пылью где-то на левой окраине города, и в его стенах имелась самая большая в Лоскутном мире коллекция всяческого древнего хлама.

– И зачем? – с отчаянием спросил Арс. – Для чего там нужны демонологи?

– Ну, типа, – Рыггантропов решил, что вопрос адресован

ему. – Тебе же все сказали. Мы должны это... сделаться полноценными частицами социума, узнать правила поведения в активной среде...

– А в роли активной среды будут окаменелости?

На этот вопрос двоечник ответить не смог.

* * *

Живи Поля Лахов в другом месте и в другое время, его бы назвали гламурным стражником. Склонностью к пьянству, вымогательству и злобным нравом он походил на коллег, но при этом тщательно следил за собственной внешностью. Шлем снимал редко, волосы мыл по праздникам, зато торчавшие наружу кончики аккуратно завивал и мазал помадой.

Грязные и обкусанные ногти покрывал лаком для мебели, а под старой ржавой кольчугой носил шелковое белье.

В подчинении у лейтенанта Лахова находились двое сержантов. Васис Ргов, больше всего на свете похожий на мешок с картошкой, на который кто-то нацепил португепю. И Дука Калис, добрый и отходчивый выходец из Лоскута Низкие горы.

Доброта выражалась в том, что он убивал людей сразу, не мучая, а отходчивость – в том, что быстро об этом забывал.

Сейчас они втроем разглядывали новобранца.

– Отлично, – сказал Поля Лахов, когда Форн Фекалин об-

лачился в кольчугу и повесил на пояс ножны от меча с торчащей из них рукояткой. – Главное, не пытайся вытащить оружие. А то кто знает, что там внутри. Вот старик Хилый, которому принадлежал этот комплект, понадеялся на оружие – и что? Где теперь старик Хилый?

– Где? – спросил Фекалин.

– В лучшем случае – его едят черви, – сказал Дука Калис, автоматическим движением вынимая и пряча обратно под плащ крохотный арбалет. – А в худшем – собаки или те парни, что собираются у Толстого Маззи.

– А, – кивнул новобранец, и в блеклых глазах его на мгновение появилось очень странное выражение.

– Да, забыли шлем, – заметил Лахов и выволок из-под стола нечто металлическое, кое-где блестевшее.

Форн Фекалин, нужно отдать ему должное, не упал в обморок.

– Я обязан это носить? – спросил он.

Железная хреновина на башке, больше всего похожая на сотворенный авангардным дизайнером ночной горшок, была опознавательным знаком Торопливых, и они таскали ее с гордостью.

Ну, или со стыдом, когда приходилось удирать от преступников.

– Да, – кивнул Ргов и постучал себя по шлему. Звук получился гулкий, мощный, с намеком на то, что внутри хватает пустот.

– Хорошо. – Форн Фекалин надел шлем. – Ну что, теперь мы отправимся на какое-нибудь дежурство?

Лахов и Калис переглянулись, а Ргов принялся задумчиво ковырять в носу.

– Это сложный вопрос, – ответил лейтенант. – А что?

– Я хотел просто... ну... – новобранец облизал губы тонким и бледным языком, – а то я думал, что, может быть, должен как бы... проставиться в первый день... а?

– В смысле – угостить нас пивом? – уточнил Лахов.

– Да.

– Тогда дежурство подождет. Всем встать и вперед, шагом марш. В «Потертое ухо»!

Они выбрались из караулки, затем вышли из покосившегося здания городской стражи и оказались на улице Тридцатисемилетия Отрытия Канавы. Что это была за канава и кто ее отрыл – исчезло во мраке веков, но этот вопрос Торопливых мало волновал.

Они окунулись в незабываемую атмосферу Ква-Ква, сравнимую лишь с концертом обкурившихся дури панк-рокеров на складе, где протухло несколько тысяч яиц. Шумовая волна состояла из сотен возгласов, выкриков и обрывков фраз, а в городском «аромате» смешивалось слишком много компонентов, чтобы в них разобрался даже электронный анализатор запахов.

Но общее впечатление было таким, словно в ноздри записывали трубочки из наждачной бумаги.

У входа в «Потертое ухо», около лужи, где дозволялось лежать только самым постоянным клиентам, сидел чудно одетый бородатый старикан с повязкой на глазах. Решительными движениями он терзал струны, натянутые на деревянную рамку, и пел:

– Встала над морем с пальцами багровыми Зоря! Врата распахнула она, и отверзли тут очи герои! Гневом пыхали сердца их и сладкой отвагой, яростный Мили-Пили-Хлопс к победам их души направил!

Перед дедом стояла миска, а в ней лежало несколько бублей.

Проходя мимо, Ргов наклонился и потянулся пальцами к монетам. Старик же, не прекращая играть, сменил тему:

– Лапы свои убери, а не то по башке ты получишь! И не погляжу я тогда, что ты стражник во шлеме высоком!

Ргов руку отдернул и застенчиво заулыбался, а Лахов покачал головой и сказал с улыбкой:

– Ай да слепой!

– Великий слепец я, Умер, славный поэзией громкошумящей, – сообщил старик, гордо выпячивая бороду. – Слава моя распростерлась по миру, подобно свечению мощному солнца золотого...

– Кто умер? – спросил Калис, который иногда (а честно говоря, почти всегда) соображал не очень хорошо.

– Не умер, а Умер, – поправил Лахов.

– А разница? И он что, не слепой?

В том, что касается подозрительности, Калис был настоящим стражником.

– А это смотря как поглядеть. – Лахов пожал плечами, и с его кольчуги посыпалась ржавчина. – Великий певец обязан быть слепым. Так же как великий писатель – алкоголиком, наркоманом или хотя бы игроманом. А великий художник – просто чокнутым...

– А великий стражник? – спросил Ргов.

– Э... просто великим.

– Хватит стоять тут, подобно дубам на утесе, – вмешался в беседу Умер, похоже, умевший разговаривать только гекса-метром. – Бизнес вы портите мне и ярость рождаете прямо в чувствительном сердце аэда...

– Бизнес – это святое, – кивнул Лахов, и Торопливые вошли в «Потертое ухо».

Через пять минут они сидели за столиком, и перед каждым стояла кружка с похожей на слегка взболтанную мочу жидкостью.

За нее заплатил Форн Фекалин.

– Ну, за нового стражника, – сказал Лахов, поднимая кружку. – Чтобы он хорошо охранял свою безопасность...

– Лучше, чем старик Хилый, – добавил Ргов.

И они выпили.

Судя по реакции на пиво из «Потертого уха», Форн Фекалин прибыл в Ква-Ква совсем недавно. После первого глотка он позеленел, после второго – побледнел, затем сделался

того цвета, который нельзя назвать даже серо-буро-малиновым. Волосы его встали дыбом, слегка приподняв шлем, а глаза выпучились.

Торопливые-ветераны наблюдали за муками нового коллеги с умилением.

Они пили это пиво многие годы, но все помнили тот совсем не радостный день, когда познакомились с ним.

Привыкнуть к этому вкусу было невозможно.

– Так ты, значит, откуда родом? – спросил Лахов, когда шлем на голове Форна Фекалина осел, а глаза стали нормального размера.

– Слева.

– Это из Шести Королевств, что ли? – блеснул знаниями Ргов.

– Почти.

– Ага, а что там у вас говорят насчет того, что случилось в Диких горах? – спросил Калис. – Гномы болтают про какой-то взрыв. Вроде бы одна из вершин обзавелась пламенным прыщом...

Прямо налево от Ква-Ква лежит Лоскут Горы, заселенный мелкими бородатыми шахтерами, и именно за ним находятся Шесть Королевств. На запад от них расположен Пик – громадная гора, занимающая целый Лоскут. Еще западнее – Разбойные горы, где обитают тролли, и за ними – Дикие горы, местечко настолько неприятное, что даже орлы облетают их стороной.

– Огненный прыщ? Это как? – подал голос Ргов. – Я ничего не слышал.

– Стала вулканом, – пояснил Лахов. – Ну что? Чего сидим, точно на поминках? А ну-ка, выпили. . .

Они выпили, и никто не обратил внимания на то, что Форн Фекалин лишь омочил губы в пиве.

– Так что с этой горой? – спросил любопытный Ргов.

– Лопнула, – с видом авторитетного свидетеля, находившегося в момент происшествия на расстоянии примерно шестисот километров, заявил Лахов. – Начисто. Хрусть, бах-бах и того. . . Эй, хозяин, неси по второй!

Через пять минут стражники забыли о лопнувшей горе и заговорили о кознях начальства и тяготах собственной жизни. А еще примерно через полчаса в пропахший пивом туман улетела причина, по которой они тут собрались.

Калис то и дело порывался петь, Лахов осаживал его, Ргов что-то монотонно бурчал себе под нос. Время от времени появлялся хозяин, забирал пустые кружки и приносил полные.

А Форн Фекалин сидел, не притрагиваясь к пиву, и слушал.

У него был отличный слух и феноменальная память.

В лапищах Рыггантропова листок пергамента казался несчастной бабочкой, что потеряла не только лапки и усики, а еще и форму крыльев.

– Ну, чего там написано? – спросил Арс.

– Сссс? – поддержал его Тили-Тили.

– Ы... хххы. – Двоечник некоторое время посопел, готовясь к сражению с буквами. – Э... н а п р а в л е н и е... н а... п р а к т и к у... В натуре, и что это все значит? Есть направление направо, налево, на запад... И еще – на практику?

– Дай сюда, – сказал Арс и забрал листок.

Направление в конверте они получили вчера из рук самого заведующего кафедрой. Тот отдал его почему-то Рыггантропову и велел вскрыть конверт не раньше утра следующего дня. Пришлось вставать в жуткую рань и встречаться около входа в университет, чтобы ни в коем случае не опоздать.

Всем студентам известно, что первый день практики самый важный, а иногда – еще и единственный.

Вообще главная особенность любой практики в каждом из миров состоит в том, что она никому не нужна. Ни студентам, ни преподавателям, ни тем бедолагам, которым в руки попадают дармовые работники. Но ее всегда проводят, и это заставляет задуматься о некоем заговоре высших сил...

Может быть, Практика приведет нас к Просветлению, позволит постичь Мировую Гармонию и научиться терпеливо относиться к соседям? Если это так, то эффект появится не ранее чем через пятьсот лет и пару жизней.

– Направление на практику. – Арс быстренько пробежал листок глазами. – Ага, вот. Улица Шести Струн, дом один. Я знаю, где это. Пошли.

И они зашагали прочь от университета в сторону левой

окраины Ква-Ква.

Величайший город Лоскутного мира, если можно так выразиться, потягивался и продираал глаза.

На улицах было довольно пустынно, ночные жители с них убрались, а дневные еще не появились. Скрипели телеги, тянувшиеся к рынку на площади Изопилия, трубы извергали пахнувший завтраком дым.

Почти добравшись до цели, студенты немного поплутали – сначала свернули на улицу Одной Струны и только потом выбрались к музею.

Огромный, точно авианосец, он напоминал каменный гроб, который бросили на землю с большой высоты. А потом оставили так валяться, обрастать мхом и покрываться трещинами.

– О, – сказал Рыггантропов, – теперь я понял, почему он называется музеем Натуральной истории.

– Почему?

– Потому что это, в натуре, история.

Да, музей сам по себе являлся историей. Судя по виду, он наверняка помнил битвы Предначальных Времен и был уже стар, когда около реки Ква-Ква построили городок. Время обломало об него зубы, после чего обзавелось вставными, вернулось и опять не добилось успеха.

Здание располагалось за хлипким заборчиком, а заросли боярышника вокруг его могучей туши изображали парк.

– Верно, – поскреб затылок Арс. – Вон там ворота, а тро-

пинка от них ведет, похоже, к входу.

Тропинка привела к крыльцу, такому широкому, словно по нему должны были боком подниматься удавы. На крыльце обнаружилась спрятавшаяся между толстенными колоннами дверь.

Когда Арс толкнул ее, из внутренностей здания повеяло могильным холодом, а хриплый голос, наводивший на мысли о тяжелых болезнях горла, мрачно поинтересовался:

– Кто такие?

– Вот, – сказал Арс, показывая направление и пытаясь разглядеть, кто прячется в музейном мраке. – Мы... эти... студенты... прибыли на практику.

– Это вам к главному хранителю, – сообщил тот же голос. – Сейчас я его позову.

И дверь захлопнулась.

– Типа, – сказал Рыггантропов задумчиво.

– Шшшш, – настороженно добавил Тили-Тили.

Вскоре дверь открылась снова, и на крыльцо вышел некто лысый, сторбленный, в длинном темном халате и еще более длинной бороде, кончик которой болтался у тапочек с помпонами.

Арс ощутил, что глаза его собираются выбраться из черепа и хорошо прогуляться.

– Бурылик мурпьяк хрыльк, – сказала фигура. – Ну, так и будем стоять? Давайте ваши буль-документы.

– Чего? – спросил Рыггантропов.

– Буль-документы? – слабым голосом уточнил Арс.

– Дарульк мпляк да. Вы что, никогда эльфов не видели?

Перед ними и в самом деле стоял настоящий эльф.

Только лысый, морщинистый и бородатый.

Всемирно известно, что эльфы не стареют. Хотя от кого это известно? От тех же эльфов, которые настолько гордятся имиджем собственного народа, что вполне могут врать. А еще прятать стариков от посторонних глаз где-нибудь в глубине своих Лоскутов, куда чужакам хода нет.

Но то, что эльфы живут долго, много дольше всех остальных рас, – известный факт. Чтобы состариться, уроженцу Высокого леса или Солнечных полян нужен не один век и не два.

Похоже, старший хранитель возрастом превосходил многие экспонаты музея.

Или просто возник вместе с ним.

– В-видели. В-вот в-вам. – Арс сумел справиться с собой и протянул направление на практику.

Эльф почмокал, производя те самые чудные сочетания звуков, и недовольно изрек:

– Прлюк ральп понятно. Навязали нам этих практикантов, словно музей демонами набит. Хлюп.

– Так мы вам не нужны?

– Зарлип мульк почему? – Эльф посмотрел на Топыряка подозрительно. – Рабочих рук не хватает. Лульк. Приставим к делу на полный срок, не сомневайтесь. Меня можно назы-

вать Простодрэль.

– Я – Арс, а это – Рыггантропов и Тили-Тили.

– Дарлюк плюх ну и имена. Идите за мной.

За дверью они окунулись в темноту, столь глубокую и пахнущую пылью, словно она вылезла из шкафа со старой одеждой.

Что-то шевельнулось во мраке, и Арс разглядел человекоподобную фигуру.

– Харульт пальк не бойтесь, – сообщил Простодрэль. – Это Пасюк, наш привратник. Он зомби. Очень удобно. Никогда не спит, по нужде с поста не отлучается, а подкупить его хрульп невозможно.

– Это верно, – свистящим голосом подтвердил привратник.

– А чего его, типа, к работе не приставить? – спросил Рыггантропов.

– Нульк цалюк должен же кто-то у дверей стоять? А руки у Пасюка то и дело отваливаются. Не рабочие они бульк какие-то.

За новой дверью начались залы с экспонатами, огромные, словно внутренности левиафана. Окна, узкие и высокие, были закрыты темными шторами. Мягко поблескивали стекла витрин.

Музей строил архитектор, считавший, что колонны – это главное и что чем их больше, тем лучше. Массивные и толстые, украшенные резьбой, они уходили вверх, в полумрак,

где благополучно подпирали потолок.

Доносились шорохи, намекавшие, что тут существует жизнь, пусть не очень яркая и заметная, но живая.

В витринах лежали камни, совершенно обычные, какие можно найти на улице, кости, какие-то вовсе не понятные штуки. Странно смотрелись валуны, неясно каким образом попавшие внутрь здания.

– Что-то тут неинтересно, – прошептал Рыггантропов, породив в углах очередного зала гулкое эхо. – Это разве, в натуре, история?

Арс, честно говоря, тоже ощущал легкое разочарование, а кончики ушей йоды выглядели печально обвисшими.

– Йобулк вальк тля, – сердито забулькал эльф. – Это та история, о которой мы, смертные, имеем мало представления. Та история, для которой мы всего лишь налет, слизь хлобрап на теле вечности! Это ее тело! Вечное, неизменное! И вы, молодые маги, должны быть рады, что видите его!

– А я думал, история – это когда один король убил другого или там битва с кучей трупов, – сказал Рыггантропов.

Он, как обычно, бил не в бровь, а в глаз.

Простодрэль больше ничего не сказал, но в шарканье его тапочек возникли презрительные нотки.

Они прошли еще три зала, а в четвертом, что был заполнен бревнами, ветками, шишками и почками, остановились.

– Тальк цытк сегодня будете работать тут, – проговорил эльф и показал на столик в углу. – Вот краска и кисточки.

Ваша задача – обновлять стертые таблички хдюп на экспонатах. А стерлись они почти все.

– А откуда мы узнаем, что писать, если они стерлись? – спросил Арс.

– Ляпул пробтых ну вы же маги? Вы должны уметь восстанавливать надписи. Или вы не умеете?

– Умеем.

Да, такому их действительно учили – немного, не так, как студентов с кафедры магии слова. Но все же достаточно, чтобы прочитать почти уничтоженную надпись из нескольких слов.

– Хляк тогда за дело.

И Простодрэль удалился, бурча себе под нос.

Рыггантропов подошел к столику, на котором стояли три жестяные банки и лежали старые облезлые кисти.

– В натуре, – сказал он уныло, – это будет типа похуже лекций по теории магического анализа.

– Сс, – согласился Тили-Тили, а Арс печально вздохнул.

* * *

Лейтенант Поля Лахов выпрямился и оглядел собственное войско.

Калис и Ргов выглядели помятыми и с трудом стояли на дрожащих конечностях, но это было нормально после вчерашней пьянки. К таким стражникам обитатели Ква-Ква

привыкли. А вот новобранец казался подозрительно бодрым, и это внушало тревогу. А ну как горожане решат, что жизнь у Торопливых пошла хорошая? Тогда неприятностей не избежать.

– Так, – тут Лахов икнул и содрогнулся, ощутив вонь собственного перегара. – Ты, Форн, хоть лицо поглупее сделай. Или перекошись, словно у тебя зубы болят. Все разом.

– Зачем?

– А чтобы не выделяться.

Форн Фекалин слегка наморщился и отвесил нижнюю челюсть, после чего стал напоминать жертву удара молотком по голове.

– Вот так-то лучше. А теперь пошли. Нас ждет оно. Патрулирование. В районе Молоточной площади.

Негромко лязгая и распространяя специфические запахи, Торопливые выбрались на улицу и зашагали на право-запад.

По дороге Лахов рассказывал новобранцу правила патрулирования:

– Нужно глядеть в оба. И слушать тоже в оба, но в других. И еще чуют спинным хребтом, где опасно.

– Чтобы отправиться туда и задержать преступника? А? – спросил Форн Фекалин.

– Нет. Чтобы сбежать и остаться в живых. Если кто-то начинает звать стражу, то мы, конечно, идем туда, но очень медленно и крайне шумно. Понимаешь, зачем?

– Чтобы остаться в живых?

– Верно. – Лейтенант похлопал новобранца по обтянутому кольчугой плечу и затряс ушибленной непонятно обо что ладонью. – Ты сразу показался мне умным парнем. Но есть и вторая задача – немножко подзаработать. На паршивую горсточку бублей, что платит нам город, не проживешь. Поэтому мы... как бы это сказать...

– Тащим все, что плохо лежит, – брякнул честный Калис.

– И это... дружим с всякими людьми. – Ргов пнул в спину катившегося мимо калеку на тележке.

Тот брякнулся наземь, вскочил на внезапно отросшие конечности. Открыл рот, готовясь разразиться теми выражениями, которые в интеллигентной среде называют непарламентскими.

И тут увидел, с кем имеет дело.

– А, сержант, – сказал калека, потирая спину. – Как счастлив вас видеть. Какой хороший сегодня день...

Это напоминало попытку суслика договориться с пикирующей на него совой.

Ргов протянул руку и сказал:

– Я тут уронил немного денег. Ты их не видел?

– Э? – Лицо калеки перекошилось и стало напоминать букву из тетради первоклассника. – А, сейчас...

Несколько монет перекочевали в ладонь Ргову и мгновенно исчезли где-то под его кольчугой.

– Вот примерно так мы и дружим с людьми, – сказал Лавхов.

И они пошли дальше, а Сизый Мотыль, последние двадцать лет зарабатывавший на жизнь с помощью ног (а точнее, как бы их отсутствия), наконец получил возможность облегчить душу.

И он ею немедленно воспользовался.

За старыми городскими стенами, больше похожими на вал мусора, обклеенный рекламными объявлениями, стражники наткнулись на группу шептавшихся стариков. Увидев их, Лахов побледнел, из недр организма Ргова донеслись квакающие звуки, а на неустрашимом лице Калиса обозначилось беспокойство.

А старики, все четверо, уставились на Форна Фекалина.

– Мы просто мимо идем... да, – сообщил Лахов заискивающим голосом, каким обычно разговаривают с большими и очень злыми собаками. – Не подумайте ничего плохого, господа...

Старики проводили стражников подозрительными взглядами, а один, маленький и воняющий чесноком, презрительно сплюнул.

– Кто это такие? – спросил Форн Фекалин, когда угол скрыл стариков от стражников.

– Герои, – с дрожью в голосе ответил Ргов. – На пенсии. Держись от них подальше, если хочешь носить голову на плечах, а не под мышкой.

А престарелые герои перестали пялиться Торопливым вслед и поглядели друг на друга.

– Ха, – сказал Старый Осинник, известный на весь Лоскутный мир охотник на вампиров. – А он что-то мне кровососа напомнил.

– Кто? – поинтересовался Долговязый Эрик, произошедший, судя по росту и скорости мышления, не от обезьяны, а от жирафа.

– А тот, бледный.

– Кхе-кхе, а мне – дракона, – вздохнул рулон черной ткани, внутри которого прятался Стукнутый Черный, самый скрытный герой на свете. – Аж руки зачесались, так прямо захотелось его убить. А о чем мы, кстати, разговаривали?

– О мажях для пояшницы, – напомнил Брежен, получивший за геройскую карьеру наград больше, чем все олимпийские чемпионы вместе взятые. – Или от пояшницы, это уж как пошмотреть...

И герои погрузились в пенсионный разговор о болячках и о том, как с ними бороться.

А стражники шли себе и шли, пока около самой Молоточной площади не наткнулись на еще один патруль. Вел его лейтенант Клячисон, чья неуничтожимая бодрость была сравнима лишь с его же тупостью.

– Ха-ха! Вот и они! – зататорил он, едва увидев коллег. – Слышали новости? На левой окраине труп нашли!

– Эка невидаль, – проворчал Лахов. – Их в городе каждый день десятками находят. Вот если бы труп не нашли.... Тогда о-го-го.

– Да не, не обычный труп! – Клячисон замахал руками, создав небольшой ветерок. – А с вырванным горлом! И говорят, что уже не первый! И не второй! А третий или четвертый! Это маньяк!

– Враки, – махнул рукой Калис и со скрежетом почесал затылочную часть шлема. – Маньяк тут не выживет.

И в этом сержант был прав. Любой маньяк, попав в город, где убивают так же легко, как сморкаются, а на кровожадные ужимки не обращают внимания, получит стресс, невроз и быстро покончит с собой.

– Тогда кто? – нахмурился Клячисон.

– А какая разница? – пожал плечами Лахов. – И кто жертвы?

– Старьевщик, нищий... Точильщик ножей...

– Слава богам, – вздохнул лейтенант. – Беднота. Значит, нас не заставят это расследовать. Понятно, что, когда убивают богатея, всем есть до этого дело. Если прирезали нищего, то никто о нем и не вспомнит...

– И беспокоиться не о чем, – сделал вывод Калис. – Ну что, пойдём, изобьём хоть кого-нибудь?

– Зачем? – спросил Форн Фекалин.

– Чтобы скучно не было, – пояснил Ргов. – А то ходят тут всякие, нагло дышат тем же воздухом, что и мы...

– Да, кстати, – Лахов посмотрел на Форна, – а где ты снял жильё?

– На левой окраине, на улице Семи Струн.

– Тогда будь осторожнее, ха-ха, – предупредил Клячи-сон. – А то вдруг это и правда какой-нибудь маньяк.

И два патруля разошлись, точно корабли в море.

Арс пошевелил руками, напрягся, и деревянная табличка, выглядевшая девственно-чистой, занялась бирюзовым огнем. Огонь погорел немного и сложился в буквы. Те забежали, словно букашки, и образовали два слова:

«Коралия Аморалия».

Витрина, на которой висела табличка, содержала в себе чучело существа, выглядевшего так, словно на него уселся тролль. Сел, а потом еще хорошенько повозил тяжелой задницей.

Плоская харя, круглый рот, выпученные буркала и торчащие во все стороны то ли лапы, то ли шипы.

– И почему она аморалия, интересно? – спросил Топыряк и взялся за торчавшую из банки с краской кисточку.

– Плохо вела себя, типа, – предположил Рыггантропов, возившийся у пустой на первый взгляд витрины.

На самом деле в ней стоял прозрачный хмырь, вымерший хищник из породы халявщиков. Когда-то он водился в крупных городах, где питался пивом из кружек набравшихся посетителей. Понятное дело, такое поведение никому не нравилось, и хищника с помощью магов истребили.

Как ни странно, жалоб на пропажу пива из кружек меньше не стало.

Похоже, хмыри эволюционировали и научились быть невидимыми даже для поисковых чар.

– Наверно, – кивнул Арс. – И за это ее наказали.

– Шшшш, – подтвердил Тили-Тили.

В музее студенты трудились второй день. Вчера закончили с залом, посвященным всяким занятным растениям, вроде дуба редкого, конопли самородной (которая размножается косяками) или хищной яблони, что заманивает мальчиков и девочек замаскированной под качели удушающей плетью.

Сегодня обновляли таблички в зале, отведенном вымершим тварям.

За два дня успели привыкнуть к тому, что Простодрэль умеет подкрадываться бесшумно даже в домашних тапочках. Увидели кучу разных диковинок, в том числе одного посетителя музея.

Судя по ошарашенной физиономии, он зашел сюда случайно.

А в остальном все было до зевоты тоскливо. Краска пахла, кисти шуршали, студенты работали.

– Готова, – сказал Арс, покончив с аморальной коралией. – Так, кто у нас следующий? Ух, какой красавец...

В соседней витрине стояло чучело существа, формой тела похожего на человека. Только вместо кожи тут была чешуя, вместо ногтей – острые длинные когти, а глаза напоминали змеиные.

И на голове торчал цветастый гребень, отдаленно похо-

жий на петушиный.

Рыггантропов на мгновение оторвался от буквы «Ы», с которой любовно сражался уже полчаса.

– Да, – сказал он, оглядев страхолюдную тварь. – Такого у нас в Ква-Ква я не видел. И это странно.

– Сссс! – В шипении Тили-Тили послышалось легкое беспокойство.

– Посмотрим, кто это.

Топыряк повторил простенькое заклинание, вызывающее призрак сгнувшей надписи. Вновь засуетились голубые буквы, и в воздухе над табличкой повисло слово «ЗМЕЕ-МОРФ».

– Вон как его зовут. – Арс почесал в затылке. – Кажется, нам про них рассказывали. В курсе истории, что ли...

– Хбульп чавк хлюп, конечно, рассказывали, – сказал появившийся точно из воздуха Простодрэль. – Во дни моей молодости о них еще помнили. Горульп опасные были существа.

– И чем же?

– Салюльк да, вы на лекциях, похоже, спали. – Эльф поглядел на Арса презрительно. – Это не просто хищник. Он вылезельм разумен, невероятно кровожаден и умеет менять облик.

– Сссс!

– О.

– Типа?

– Пальп ненаучно говоря, превращаться в человека. Эльфа. Большую собаку. Толстого гнома или тощего тролля.

– Почему тощего? – спросил Топыряк.

– Чтобы хляк масса примерно совпадала. Змееморфы жили в горах и воевали со всеми, кто оказывался рядом. Пленников просто-напросто съедали. Это всем каруляв марлювок надоело, и их уничтожили. Истребили до последнего. Только чучела от них и остались.

– Э... точно, вспомнил, – сказал Арс, но постеснялся упомянуть о том, что на лекции, посвященной войнам со змееморфами, вовсе не дремал, а играл в карты на задней парте. И проиграл тогда целых два бубля.

– Да? – Простодрэль ехидно прищурился и погладил себя по бороде. – Тогда на сегодня, я думаю, хватит. Завтра жду вас в то же самое время.

Он усмехнулся и затопал прочь, поскрипывая суставами и шаркая ногами.

– Почему мы не слышим, как он подходит? – спросил Арс, с удивлением разглядывая непонятно откуда взявшиеся на мантии пятнышки краски.

Судя по тому, что они появлялись всегда, как бы аккуратно ты ни работал, краска обладала не только разумом, а еще и вредным характером.

– Эльф, типа, – сказал Рыггантропов так, словно это все объясняло.

Но на самом деле это и вправду все объясняло.

Эльфы могут посоревноваться с кошками за самую бесшумную походку во Вселенной.

Даже старые, лысые и бородатые.

Засунув кисточки обратно в банки с краской, студенты зашагали к выходу из музея. У дверей попрощались с Пасюком, и тот очень осторожно кивнул в ответ. Для зомби, чья голова пришита нитками, в этом движении жизненно необходима осмотрительность.

Снаружи Арса, Тили-Тили и Рыггантропова встретили немного вонючие ква-квакские сумерки. Сегодня, в день Опрятной Свиньи десятого месяца, природа вдруг вспомнила, что наступила осень, и в небо над городом были доставлены серые тучи.

Сейчас они старательно прыскали холодным дождем.

– Ну что, по пиву? – предложил двоечник.

– Можно, – кивнул Топыряк и поглядел на йоду. – А ты что скажешь, Трали-Вали?

– Шшшшш!

Рыггантропов осклабился:

– Одобряет, ушастый. Я знаю отличную пивную неподалеку.

Тут Арсу и Тили-Тили стоило насторожиться. Обычно за фразой «я знаю пивную неподалеку» следуют долгие поиски, много ругательств, ноющие ноги. А в конце – очень неприятное открытие, что пивная на самом деле пельменная и что пива в ней не наливают.

Но пропитанные испарениями краски мозги дали сбой. Топыряк безропотно кивнул, йода промолчал. А Рыггантропов повел их за собой в шелестевший мокрый полумрак.

Они миновали парочку грабителей, решивших, что связываться с магами-студентами себе дороже, и погрузились в паутину переулков, что находятся слева от Длинной улицы.

В этом районе, называвшемся Косые ямы, сломал бы ногу не только черт, но и сам сатана.

Дома здесь росли старые, высокие и такие покосившиеся, что стояли лишь потому, что опирались друг на друга. Умные люди тут даже днем ходили с фонарем и обязательно нанимали проводника. А дождливым вечером в Косых ямах было не светлее, чем на дне затопленной шахты.

– Еще немного, – подбодрил спутников Рыггантропов, и в этот момент впереди, во тьме, что-то зашевелилось.

Студенты остановились.

– Шшш! – сказал Тили-Тили.

– И я это видел. – Арс сглотнул, ощутив острое желание прибегнуть к славному боевому приему, известному с глубокой древности.

К тому самому, что начинается на букву «бе».

– Но мы же маги, в натуре, – проворчал Рыггантропов. – Мы не должны кого-либо бояться. Это нас все должны бояться, типа.

Во тьме вновь что-то пошевелилось, донеслось то клацанье, какое могут издать только очень острые когти.

– Н-надо п-поглядеть, что т-там такое. – Рука Топыряка тряслась, и световой шар вышел маленьким и дрожащим.

Из тьмы неохотно выступили стены домов, покрытые таким количеством слоев грязи, что казались чешуйчатыми. Появилась мостовая – оживший кошмар тополога, кое-где прикрытый лужами.

И некое существо, открывшее зубастую пасть.

Арс не успел разглядеть его как следует и тут осознал, что бежит, несется, не разбирая дороги, и что за спиной тяжело сопит Рыггантропов, а впереди легко прыгает Тили-Тили. Душа скользнула в пятки, прихватив с собой рассудок, и управление телом взял на себя мозжечок.

Благодаря его усилиям Топыряк ни во что не врезался, ни разу не споткнулся и не поскользнулся.

Потом душа и рассудок вернулись на место и мгновенно присвоили всю славу за спасение себе. Но случилось это в тот момент, когда Арс стоял под светившим уличным фонарем и шумно дышал, приходя в себя.

– Где это мы? – прохрипел обнаружившийся рядом Рыггантропов.

Топыряк огляделся.

– Улица Дохлых Кошек. А вон там, чуть дальше, находится Оранжевая больница. Я в ней однажды побывал.

– Сссс?

– Да мы полгорода одним махом пробежали! Хотя я ничуть не испугался и даже ловко выбрал правильный путь.

Самообман – страшная сила. Не будь его розовых очков, наушников и фильтров в ноздри, человечество давно покончило бы жизнь самоубийством. Сразу после того, как изобрело каменный топор и съело мамонтов.

Ну, или через недельку-другую.

– А кто там был такой, типа?

– Шшшш!

– У него была чешуя, глаза... когти. – Арс на мгновение замер. – И гребень на... на голове.

– Не человек, – совершенно справедливо заметил Рыггантропов.

– Сссс!

– И не йода, Трали-Вали, зуб даю. И не эльф...

– Змееморф. Но этого не может быть! – Арс потер лоб, ощущая, как резко поднимается температура внутри головы.

Йода задвигал ушами, потом вовсе свернул их и с резким хлопком развернул.

А Рыггантропов вздохнул с облегчением.

– Типа, все нормально, – сказал он.

– Это почему?

– Ну, мы же краски нанюхались сегодня.

– И чего?

– И мы, в натуре, разве видели после этого розовых слонов? Или там розовых теток без одежды?

Фантазия Рыггантропова не могла похвастаться богатством. Честно говоря, она попрошайничала на помойках

мегаполиса Вселенского Воображения. И где-то там нашла убеждение, что все галлюцинации должны быть одного цвета. Того же, что и поросячьи пяточки.

– Нет, не видели, – сказал Топыряк.

– Ну вот, а теперь увидели. Хоть что-то, падлой буду. Она вроде была розовой, страшила эта. Значит, краска виновата.

– Ага, хм... – Арс переглянулся с Тили-Тили, тот пожал плечами, что заметил бы только очень внимательный наблюдатель.

Очень уж узкие плечи у йоды.

Версия с краской выглядела правдоподобной, особенно для того, кто хочет, чтобы она выглядела правдоподобной.

– Точно, так и было, – сказал Топыряк. – Да, оно было розовым. Поэтому мы сейчас пойдем в «Утонченное блаженство» и выпьем по кружечке.

Спорить никто не стал.

Тощий Брык и вправду был тощим.

В те давние времена, когда только начинал делать карьеру и телосложением напоминал швабру.

Теперь, когда в его массивную тушу можно было спрятать несколько бочек, старое прозвище звучало скорее как насмешка. Но мало кто смеялся над Тошим Брыком. Слишком дорого обходились шутки над одним из богатейших жителей Ква-Ква, которому принадлежала примерно четверть города.

Дом Тощего Брыка, то есть главный дом, где он жил большую часть года, стоял, само собой, на Мокрой улице. Там, где полагалось жить богатым купцам. Между ней и Сырой улицей, где обитали аристократы, во всем шло негласное, но ожесточенное, как драка бультерьеров, соперничество.

Дом Тощего Брыка больше напоминал замок.

В нем было три этажа, внутренний двор с воротами, сторожевые башенки на крышах, решетки на окнах. В доме имелась куча охранников, отряд слуг и множество помещений.

Некоторые были тайными.

А некоторые из некоторых – настолько тайными, что о них знали только двое – хозяин и архитектор.

Но архитектор мог наслаждаться причастностью к секретам в необычайно роскошном, набитом золотом гробу, так что Тощий Брык не беспокоился насчет сохранения тайны.

Сегодня после легкого ужина (пара поросят, горка блинов высотой полметра и тарелочка куриных крылышек) он решил посетить одну из сокровищниц. Для этого Брык поднялся в спальню и неспешно запер за собой все восемнадцать замков.

Приложив ухо к одной из скважин, убедился, что слуга ушел, и только после этого направился к шкафу с одеждой. Шкаф был так велик, что мог послужить домом какому-нибудь бедняку, а в глубинах его, за костюмами, пошитыми на Тощего Брыка, и поэтому немного похожими на воздушные шары, пряталась тайная дверца. Открывалась она нажатием

на нос стоявшего на шкафу чучела утки.

Тощий Брык нажал на утиный нос.

Дождался, когда из шкафа донесется тихий щелчок, и, прихватив свечку, полез внутрь. С трудом протиснулся в тайную дверцу (проектировали ее лет десять назад, когда хозяин был чуть стройнее) и зашагал вниз по узкой винтовой лестнице.

Тут все было как положено – мрачно, сыро и пыльно.

Закончилась лестница еще одной дверцей, запертой на массивный навесной замок.

Тощий Брык снял с шеи цепочку с ключом и открыл его. Поднял свечку повыше и шагнул в сокровищницу. Несколько мгновений постоял, открывая и закрывая рот, как попавший на сушу сом, а потом ругнулся:

– Ляжка демона!

Сокровищница была наполнена первосортным затхлым воздухом.

Комната, где во время последнего визита, то есть месяц назад, находилось пять пудов золота в слитках и монетах, опустела. При этом стены, пол и потолок остались целыми.

– Я брежу? – спросил себя Тощий Брык и обнаружил, что подсвечник в его руке дрожит.

На мгновение показалось, что слышит эхо далекого, очень слабого крика.

Купец, преодолевая сопротивление брюха, с кряхтением нагнулся и пощупал пол. Пальцы испачкала рыжая, похожая

на ржавчину пыль. Тощий Брык поднес их к лицу, и тут осознание того, что именно произошло, обрушилось на него, словно молот размером с диван.

Пять пудов золота стащили какие-то очень хитрые, ловкие и смелые проходимцы!

Хозяин дома засипел, захрипел, сжал кулаки и повалился на пол. Тот не выдержал удара, какой наносит не всякое пушечное ядро, и опасно затрещал. Тощий Брык проломил перекрытия и брякнулся в подвал, разбив одну из стоявших там винных бочек. Ту, около которой мирно выпивали дворецкий и главный повар.

– О! Кто это? – спросил дворецкий, ощущая, что стал много более мокрым и, если можно так сказать, винным.

– Наш хозяин, – отозвался повар, разглядывая тушу, распростертую в луже хереса, точно некое диковинное блюдо.

– А что это значит?

Повар посмотрел вверх, на дыру в потолке, и ответил:

– Что одна из сокровищниц перестала быть тайной. И еще кое-что.

– Что именно?

– Что у нас будут неприятности. И не только у нас.

* * *

Патруль двигался по улицам Ква-Ква тесной группой. То есть и обычно Торопливые старались особенно не уда-

ляться друг от друга. А сейчас они и вовсе жались друг к другу. И причиной являлось то, что патруль двигался по НОЧНЫМ улицам Ква-Ква.

А темное время суток в величайшем городе Лоскутного мира – это не благодатная темнота, шорох ветра и веселые песни вдалеке. То есть песни вполне возможны, только исполнять их будет самоубийца. А обычно все ограничивается мягким топотом ночных хищников (на двух ногах), вскриками и лязгом, о происхождении которого не хочется даже задумываться.

Узнай о ночных улицах Ква-Ква портовые кварталы Бомбея, гопницкие окраины Нижнего Новгорода и переулки Южного Бронкса, они бы все дружно написали заявление об уходе на пенсию.

Так что Торопливые шагали кучкой, нервно оглядывались, и даже факелы в их руках горели неярко, боязливо.

– Э-это что там? – спросил Ргов, когда во тьме сверкнули два желтых огонька.

– Кошка, – ответил Калис. – Или ты думаешь, кто-то лежит на земле, поджидая нас в засаде?

– А почему нет?

По своей воле стражники никогда не вышли бы на улицу ночью. Но сегодня их заставили.

– Как он орал, – сказал лейтенант Лахов, когда огоньки, оказавшиеся на самом деле кошачьими глазами, остались позади. – У меня до сих пор в голове звенит. И гудит.

Сержанты дружно буркнули что-то вроде «ага».

Вспоминали они, само собой, МЕНТа, который как-то прознал о странных убийствах. Потом он почему-то решил, что они должны прекратиться, и отправил большинство Торопливых ночью бродить по городу.

С какой стороны ни посмотри – возмутительный поступок.

Разве так должен себя вести настоящий начальник стражи?

– Орать всякий может, – проговорил Ргов, благодаря жене хорошо знакомый с этой истиной. – А вот ходить тут... когда всякие...

Справа, из-за реки, донесся низкий, очень неприятный, кроважанный вой, что мог принадлежать собаке.

А мог и оборотню.

Или кому-нибудь похуже. Сложно представить что-то хуже оборотня, но если это «что-то хуже» есть, то оно обязательно болтается где-нибудь в Ква-Ква, пугая прохожих до смерти.

Лахов вздрогнул, Ргов сделал попытку спрятаться в свой шлем, как улитка в раковину. Калис стремительным движением выхватил четыре взведенных арбалета. Только Форт Фекалин остался спокоен, его бледное лицо даже не дрогнуло, и лишь в глазах мелькнул огонек.

Но остальным Торопливым было не до того, чтобы обращать внимание на всякие глупости.

– Вроде бы далеко, – сказал Лахов. – И это хорошо. Так что там у нас впереди? Мотыжная площадь?

Приближение большой площади, где днем работал скотный рынок, чувствовалось издалека.

– Может, обойдем ее? А? – предложил Форн Фекалин.

– Можно и обойти, – согласился лейтенант. – А то воняет там. Пойдем, пожалуй, налево.

– А может, направо?

Лахов удивленно посмотрел на неожиданно разговорившегося новобранца, потом на переулок, куда он предлагал свернуть.

– Там же темно, – сказал Ргов.

– Но если войти туда с факелами, там сразу станет светло. – Форн Фекалин нетерпеливо моргнул.

– О!

– Главное – что там тихо. Идем туда, – вынес вердикт лейтенант, хорошо знавший первое правило выживания в ночном Ква-Ква.

Держись подальше от любых источников звука.

И тогда ты, может быть, проживешь на пять минут дольше.

Переулок оказался узким, кривым и извилистым. А через пару дюжин шагов Торопливые наткнулись на два тела. Одно лежало на животе, и вокруг его головы растекалась лужа крови. Другое валялось на спине, храпело и распространяло запах дешевой выпивки.

В руке оно держало бутылку из-под кукурузного самогона «Рыгач», а во второй – огромный, покрытый красными пятнами нож.

– Это что? – спросил Калис, подав уверенную заявку на первое место в конкурсе «Самый тупой вопрос года».

– Вялый Пырк, – дрожащим голосом ответил Ргов. – Он... э, грабитель из Нор... Может, пойдем отсюда, пока чего не случилось?

– Хорошая идея, – кивнул Лахов. – Медленно, не шумим, отсту...

– Да вы что! – вмешался Форн Фекалин. – Это преступление! Мы поймали того, кто всех убивал! Я уверен, что если перевернуть тело, то у него окажется вырван кадык, как и у остальных.

– Маленькая поправочка, – пискнул Ргов, – мы его не поймали, а только нашли...

– Так в чем проблема?

Форн Фекалин шагнул вперед. Перевернул труп на спину, и стало видно, что вместо горла у него и вправду жуткая рана. Затем подошел к Вялому Пырку, вынул из лапищи окровавленный нож. После чего снял с собственного пояса веревку и связал грабителя по рукам и ногам.

Остальные стражники боязливо наблюдали за происходящим.

– Так ты что, арестовал его? – спросил Лахов, соображавший немного быстрее подчиненных.

– Да. На месте преступления.

– Ооооо.

Ргов и Калис растерянно переглянулись.

Вялый Пырк – заметная фигура в преступном мире Нор, криминального квартала на восточной окраине Ква-Ква. Вряд ли его дружки сильно обрадуются, узнав, что его взяли и засадили в тюрьму. Но, с другой стороны, использовать обычную тактику – то есть тихо удрать – уже не получится.

И все из-за слишком ретивого новобранца...

– Сержант Калис! – скомандовал лейтенант, пришедший к тем же выводам.

– Я!

– Прочитайте задержанному его права.

– Есть!

– А может быть, надо привести его в сознание? – спросил Форн Фекалин.

– Зачем? – удивился Лахов. – Мы должны их прочитать, но нигде не указано, что он должен их услышать. Приступайте, сержант.

– Ты имеешь право болтать все, что угодно. Имеешь право на три удара по печени, на яркую лампу в глаза и... – забормотал Калис, нависнув над Вялым Пырком, точно скала над морем.

Знакомые сочетания звуков были уловлены тем, что у подобных типов сходит за подсознание, и грабитель открыл глаза. Некоторое время они вращались, точно шарики из

цветного стекла, потом остановились на Калисе, и в них появилось искреннее удивление.

– Очухался, негодяй, – сказал Лахов лишь чуточку дрожавшим голосом. – Э, мирные граждане мирно радуются в мирных домах...

Лейтенанта от переживаний несколько понесло.

– Век воли не видать, начальник, – просипел Вялый Пырк хриплым голосом настоящего бандюгана. Без такого голоса нет смысла выбирать карьеру убийцы или преступного авторитета. Все равно никто не воспримет вас всерьез. – Мы слегка бухнули с Брашом Серым и с этим, третьим... как его...

– Слегка бухнули? – ухмыльнулся Калис. – Глянь-ка вон туда.

И он показал на труп с разорванным горлом.

Вялый Пырк перевел взгляд, и удивления в его глазах стало больше, чем огня – в топке паровоза.

– Э... Браш Серый... что с ним? Он кашлял вроде... Может, сильно кашлянул? Да, помню... – Грабитель сел. – Мы сидели в таверне... Нам наливал еще этот, как... Скользкий такой... А потом пошли гулять...

– Хватит пороть ерунду! – заявил Лахов. – Ты напился и убил своего приятеля! И ты убил всех остальных!

– Всех? Это не под силу человеку...

Тут Вялый Пырк дернулся. Веревка, связывавшая его руки за спиной, непонятным образом лопнула. Лапищи грабителя оказались свободны, и одна машинально дернулась к ле-

жавшему неподалеку ножу.

– Режут! – завопил Лахов.

Ргов метнулся в сторону, с металлическим звоном врезался в стену и упал. Калис полез за арбалетами, но запутался в плаще. В руках Форна Фекалина сверкнул длинный меч. Его острое мягко, почти нежно вошло Вялому Пырку в спину. Тот всхлипнул и упал наземь.

Стало тихо.

Лахов сглотнул, издав звук, который невозможно изобразить буквами обычного алфавита.

– Ничего себе, – сказал Калис, выпутавшись наконец из взбунтовавшейся одежды. – Он что, мертв?

– Да. – Форн Фекалин аккуратно вытер лезвие меча об одежду убитого и убрал оружие в ножны. Затем наклонился, подобрал веревку, которой был связан грабитель, и спрятал ее в карман.

– А что это значит?

– Что надо подобрать Ргова и убраться отсюда поскорее, – предложил слегка отошедший от шока лейтенант.

– А я думаю, это значит другое, – уверенно заявил Форн Фекалин. – Убийств больше не будет.

Утренний туман в Ква-Ква обладает большей индивидуальностью, чем лондонский смог. В отдельные, особо удачные дни его можно не только пробовать на вкус, но и мазать на хлеб вместо масла. Масло это окажется бурым, несколько

зловонным, но зато невероятно пикантным.

Туман, в который сегодня утром вступили направлявшиеся к музею студенты, был не из таких. Обыкновенная серая дымка, едва справлявшаяся с основной задачей – прятать город и глушить звуки.

Вчера приятели несколько засиделись в «Утонченном блаженстве» и поэтому сейчас выглядели не очень бодро. Арс зевал, Тили-Тили спотыкался через шаг, и даже Рыггантропов спал на ходу.

В себя он пришел лишь после того, как на него чуть не наехала телега водовоза.

– Чтоб тебя вспучило, – пожелал двоечник ей вслед и окончательно проснулся.

Несколько минут посопел, обозревая то, что в Ква-Ква зовется гордым словом «улица», а потом спросил:

– И все же что вчера это было, в натуре?

– Пиво, – ответил Арс, пребывавший где-то на пятой минуте последнего сна.

– Не, типа, в темноте.

– Галлюцинация. Мы же решили.

Топыряк вынырнул из вполне розовой полудремы и с упреком взглянул на Рыггантропова. Упрек срикошетил от толстой шкуры двоечника, улетел в небеса, где и поразил ни в чем не повинную пташку.

Та почувствовала себя очень неловко и поспешно облегчилась.

Иных способов бороться со стрессом пташка просто не знала.

– А может, сходим туда, посмотрим? – предложил Рыггантропов. – Следы всякие. Вдруг они остались?

– От галлюцинации?

– А почему нет?

Топыряк обдумал предложение, которое даже в похмельное невыспавшееся утро казалось странным. Посмотрел на двоечника и понял, что в голову тому попала мысль и что бороться с ней поздно.

Мысли посещали этот толстостенный маленький резервуар не так часто, поэтому Рыггантропов ими очень дорожил. Расставался с каждой неохотно, только после долгих уговоров.

– Пойдем, посмотрим, – сказал Арс. – Ты хоть место запомнил?

– Шшшшш! – поддержал разговор йода.

– Трали-Вали запомнил, так что все, в натуре, в порядке, – перевел Рыггантропов.

Пути для отступления оказались отрезаны.

Они выбрались на Длинную улицу, некоторое время поплутали в переулках Косых ям. Топыряк раз шесть готов был воскликнуть: «Вот, это же здесь!» – но йода упорно шагал дальше.

И только в седьмом похожем месте остановился.

– Ссс! – сказал он.

– Ага, точно. Наши следы вижу, – кивнул Арс. – Вон там рытвина, это Рыггантропов старт взял. А галлюцинация стояла, значит... где? Вон там... прямо под аркой... сейчас глянем, что там...

Под аркой непонятным образом сохранился кусочек мостовой – дюжина камней, что держались на месте с упорством последних зубов во рту глубокого старца. След на них оставил бы только тролль, да и то если бы хорошенько прыгал.

– Ничего, – с облегчением проговорил Топыряк. – Это и в самом деле была галлюцинация. Дава...

– Шшшш! – прервал его Тили-Тили.

Он уселся на корточки, поковырялся между камнями и вытащил что-то маленькое, круглое, зеленовато-желтое.

Очень похожее на чешуйку.

– Типа... – протянул Рыггантропов. – Кусок этой... глюк-ции?

– Шшш.

– Э, может, какая змея оставила, проползала мимо... – проговорил Арс, чувствуя, как под ногами разверзается пропасть.

И надежда на то, что зубастая тварь им привиделась, летит туда вниз головой.

– Змея? В Ква-Ква? В натуре. С такой чешуей?

– Э... ну да...

Судя по размерам чешуйки, змея должна была быть тол-

щиной в бедро крупного мужчины. Таким рептилиям делать в городе нечего. Если только они не хотят быстрой смерти.

– Или рыба?

– Типа, проплыла тут? – спросил Рыггантропов, а йода посмотрел на Топыряка с укоризной.

– Нет... проезжала телега с рыбами, и с нее сыпалась чешуя... – Арс умолк, сам понимая, что говорит ерунду.

Никто не будет возить рыбу через Косые ямы, а если вдруг такое случится, то каждую упавшую чешуйку тут подберут и сварят из нее обед на пять человек. В этой части Ква-Ква едой не разбрасываются.

– А значит, а значит... – Надежда шмякнулась на дно пропасти и скончалась в муках.

– В натуре, – покачал головой Рыггантропов.

– Ссссс! – Судя по интонации, Тили-Тили был с коллегой полностью согласен.

– Ладно... тогда, – Арс попытался собраться с мыслями, и после некоторого напряжения это ему удалось, – тогда давай отнесем эту штуку в музей. Хранитель хорошо разбирается во всяких тварях. Он точно скажет, что это такое. А то вдруг это и не чешуйка вовсе?

Останки надежды задергались, словно над ними колдовал опытный некромант.

– Отнесем, – кивнул Рыггантропов. – Пошли?

И они пошли и добрались до музея Натуральной истории к самому открытию. Миновали Пасюка и отправились на по-

иски Простодрэля. Тот обнаружился в том зале, где студенты работали вчера.

– Шлюк плях доброе утро, – проворчал эльф тоном, какой обычно берегут для проклятий. – Ну что, начнем?

– Э, Простодрэль... – сказал Арс. – Мы тут вчера видели на улице... а сегодня нашли... вот, ну...

Тили-Тили шагнул вперед и продемонстрировал чешуйку. Хранитель нахмурился, извлек из нагрудного кармана халата увеличительное стекло.

– Так, давай сюда. – В этот момент эльф даже забыл о том, что должен булькать и хлюпать. – Очень интересно.

Студенты ждали, затаив дыхание. Рыггантропов, который просто не знал, что такое волнение, почесывал затылок. Простодрэль разглядывал находку долго, с одной стороны, потом с другой, и при этом что-то бормотал.

– Ляпл маблп невероятно, – сказал он наконец. – По всем признакам она принадлежит змееморфу, причем живому... Тляк, и вы говорите, что видели его на улице?

И эльф уставился на Арса так подозрительно, словно тот прятал древнее чудище в кармане.

– Ну... да... – подтвердил Топыряк.

– Длямп прульк тогда нужно срочно его поймать! Убить и поместить к нам! А то наше чучело бульк древнее, выглядит плохо.

Старого хранителя вряд ли бы сделали почетным членом Общества гуманных ученых.

– Юляльк а вы работайте. Практики никто не отменял, – Простодрэль сурово глянул на студентов.

И, взволнованно шаркая, удалился.

– Поймать? – Арс покачал головой. – Кто этим будет заниматься? Стража? Да они пьяную черепаху не догонят.

– Шшшш!

– Верно, Трали-Вали. Не наше дело, типа, – сказал Рыггантропов. – Беремса за кисточки и вперед.

Арс пошел к столику, где стояли банки с краской. По дороге глянул на витрину, в которой стояло чучело змееморфа, и на мгновение ему показалось, что чучело ехидно ухмыляется.

Сырая улица относится к Мокрой примерно так же, как масло к маргарину.

И то и другое желтое, жирное, но одно настоящее, а второе – искусственное, и на вкус их никогда не спутаешь.

На Сырой живут богатые люди и на Мокрой тоже. Но если вторую населяют нувориши, сделавшие состояние с помощью грабежей, убийств и мошенничеств (не доказанных) особо крупного размера, то первую – аристократы, которым грабить или мошенничать смысла нет.

Когда-то очень давно это делали их предки, и делали крайне успешно.

Лорд Дырг родился в особняке на Сырой улице, как и его отец, и дед, и множество более дальних предков. Родослов-

ное древо у лорда было такой длины, что напоминало корневую систему пустынного растения. Изображенное на стене в специальной комнате, оно давно сползло на пол.

Спал лорд Дырг в отдельной спальне, что располагалась по соседству со спальней жены, и поэтому привык просыпаться в тишине, от деликатного покашливания лакея, принесшего утренний кофе.

Но сегодня лорда разбудили самым непочтительным образом – криком в ухо.

– Родерик! Родерик! Проснись! – завопил кто-то.

– А? Что? – Лорд Дырг выпучил глаза и попытался вспомнить, кто такой этот Родерик, которого ищут почему-то у него в спальне.

Потом осознал, что это он сам и что он настолько привык к титулу, что едва не забыл собственное имя. И еще осознал, что около его кровати, старинной, огромной, с пологом на украшенных резьбой столбиках, подпрыгивает худощавая женщина в белом халате.

Леди Дырг.

В особняке лорда, где даже туалетная бумага была гербовой, неаристократическое поведение не приветствовалось даже у слуг. А уж ожидать от почтенной леди, чья задача – подавать пример челяди, таких поступков, как прыжки вокруг спящего супруга, и вовсе невозможно.

На мгновение лорд Дырг решил, что угодил в кошмар.

– Родерик! – вновь завопила леди. – Они пропали!

– Кто? – спросил он. – Ты мне не снишься?

– Нет! Они пропали! Все! Шкатулка пуста!

И тут леди зарыдала, и не скупыми слезами аристократки, а нервным истеричным плачем кухарки или, в лучшем случае, прачки.

– Шкатулка? – Лорд Дырг начал сердиться. – Какая?

– С моими! Драгоценностями!

И только тут лорд Дырг окончательно проснулся.

– Что? Кража у нас в доме? Это невероятно, – сказал он и принялся вставать с постели. Делать это без помощи слуги было непривычно, и лорд не сразу вспомнил, что сначала надо откинуть одеяло.

– Невозможно, невозможно, – повторял он, разыскивая около кровати тапочки. – Кража в моем доме?

Едва Дырг накинул халат, как леди упала ему на плечо и лишилась чувств.

– Дженкинс! – закричал лорд, ощущая, что его аристократическое самообладание кладет на стол заявление об отпуске. – Быстро ко мне!

Открылась дверь, вошел пожилой лакей, благодаря седому парикю и квадратному лицу похожий на мопса.

– Сэр? – сказал он, не моргнув и бровью.

Дженкинс появился в особняке еще при прежнем лорде и был слугой старой школы. Если бы на дом лорда упал метеорит, то Дженкинс обязательно осведомился бы, как его представить, и попросил визитную карточку.

– Вызови горничную госпожи. И начальника охраны ко мне. Судя по всему, нас ограбили.

– Да, сэр.

Лакей вышел и через минуту вернулся с горничной. Леди положили на кровать, а лорд, убедившись, что супруга в надежных руках, пошел к соединявшей спальни двери. За ним последовал Дженкинс.

В комнате леди все было как обычно.

Шкатулка всегда стояла на туалетном столике леди Дырг. В ней хранились золотые драгоценности, стоившие примерно столько же, сколько и сам особняк. Трогать ее не смели даже горничные. Вынести шкатулку смог бы только очень сильный мужчина, а сделать это незаметно – разве что бог. Особняк охранялся хорошо, и воров ловили довольно регулярно.

Ну а вскрыть сложный замок гномьей работы возможно, только если взломщик провозится с ним пару месяцев.

– Шкатулка на месте, – сказал лорд Дырг, разглядывая откинутую крышку. – Замок цел. Но внутри пусто.

В выложенном алым бархатом углублении не было и следа золота. На доньшке лежала горстка красноватой пыли, немного похожей на ржавчину.

Лорд Дырг бросил взгляд на окна, те оказались целыми. Посмотрел на главную дверь спальни жены – никаких следов проникновения, да и снаружи стоит стражник.

Дверь открылась, и вошел начальник охраны, могучий,

усатый и краснолицый. С ним что-то было не так, но что именно, лорд Дырг сначала не понял.

– Радин, – сказал он, отодвинув посторонние мысли. – Должен выразить тебе свое неудовольствие.

Истинный лорд даже гневается аристократически, то есть тихо и очень холодно.

– Да, сэ! Виноват, сэ! – рявкнул начальник охраны. – Но мои люди бодрствовали всю ночь и ничего не видели!

– Может быть, они замешаны в краже? – предположил лорд Дырг. – Допроси каждого. Они должны понимать, что продать эти вещи невозможно... – Тут он осознал, что не в порядке с начальником охраны, и запнулся. С кольчуги Радина исчезла вся позолота. – Слишком они дорогие... пусть признаются и тогда умрут быстро.

– Понял, сэ!

– И еще. Надо выяснить, не пропало ли что-нибудь еще.

– Понял, сэ!

– Приступай, – кивнул лорд Дырг и повернулся к Дженкинсу: – А ты подавай кофе.

– Да, сэ.

Лакей ничуть не удивился. Он не хуже хозяина знал, что истинный аристократизм состоит не в кучах золота и даже не в титуле (хотя и то и другое – очень полезные вещи), а в том, чтобы всегда оставаться самим собой.

Тебя ограбили? Ерунда. Убили? Все равно ты должен выпить кофе, как делал это и год, и десять лет назад...

Когда Дженкинс ушел, лорд на всякий случай заглянул под туалетный столик жены, а затем вернулся в свою спальню. Леди пришла в себя, в комнате сильно пахло нюхательной солью. Вокруг госпожи суетились горничные, одна наставляла слугу, который должен был отправиться за врачом.

Лорд Дырг сел в кресло и стал ждать.

Ждать он умел очень хорошо.

Через десять минут Дженкинс принес кофе, тосты с маслом и джемом, а также печенье с изюмом.

А еще через пятнадцать минут пришел Радин. Не моргнув глазом, лорд узнал, что из особняка исчезло золото – посуда, украшения, деньги. Пропала даже позолота с герба, что висит в большой гостиной.

– Вот как? – сказал лорд Дырг, пытаясь осознать, как такое могло случиться, и чувствуя, что его голова слишком мала, чтобы вместить такую новость.

А еще примерно секунд через тридцать самообладание лорда исчезло. В роскошном особняке на Сырой улице на какое-то время стало немного меньше аристократизма, зато куда больше воплей.

* * *

– Значит, это он? Тот убийца? – спросил Игг Мухомор, разглядывая лежавшее на полу тело.

– Так точно, – ответил лейтенант Лахов.

– А по мне, так очень похож на Вялого Пырка. Как это объяснить?

Лахов попытался собраться с мыслями, но это у него не вышло. Возможно, виной тому была стойка «смирно», в которой лейтенант пребывал пред ликом начальства. Или несколько кружек пива, опрокинутых Торопливыми «для храбрости». В любом случае, мысли из головы исчезли бесследно.

– Разрешите доложить! – неожиданно вмешался в беседу Форн Фекалин.

В караулке он присутствовал вместе с еще дюжиной стражников, и все они старались выглядеть как можно более незаметными. В обращении с начальством – наиболее верная тактика.

– И кто у нас тут такой разговорчивый? – резко повернулся Игг Мухомор.

По цвету лица МЕНТа можно было определить его настроение. Сейчас физиономия начальника городской стражи была слегка багровой, что означало «раздражение немного выше обычного».

Но на то, чтобы перейти к «бешеной ярости», Мухомор лишнего времени никогда не тратил.

– Я!

– Ах, ты? – МЕНТ немного посопел, точно вулкан, решающий, извергнуться сегодня или подождать до завтра. – Докладывай!

Извержение пока откладывалось.

Форн Фекалин, который от утреннего пива отказался, чем несказанно удивил соратников, проговорил:

– Это Вялый Пырк и есть. Обнаружен вчера ночью рядом с убитым им человеком и с ножом в руке. Мы предприняли действия по захвату...

Выслушав доклад, Игг Мухомор, к всеобщему облегчению, разгневался. Сделавшись цвета переспелой малины, он завопил:

– Негодяи! Воры! Пьяницы! Бандиты! И все вы служите в Торопливых?

Лахова слегка пошатывало, поскольку начальник вопил ему прямо в лицо. Но лейтенант давно привык к таким штормам и, похоже, отрастил в ушах дополнительную перепонку.

Выдохся Игг Мухомор довольно быстро. Вытащил из кармана клетчатый носовой платок и принялся вытирать лысину. Когда эта важнейшая операция окончилась, МЕНТ свирепо воззрился на подчиненных.

– Вот так, – сказал он. – Вас тут целая толпа, а вы ни одного убийцы поймать не можете. А вот он, – Игг Мухомор ткнул рукой в Форна Фекалина, – второй день на службе и сразу так отличился. Единственный приличный человек среди всего этого сброда. Я думаю, что из постового его нужно сделать сержантом. Или кто-то против?

Никто из Торопливых покидать ряды стражи не спешил и поэтому спорить с начальством не стал.

– Вот и отлично, – буркнул Игг Мухомор. – И трупы куда-нибудь уберите. Не дело им так лежать...

И он покинул караулку. Торчавшие по стойке «смирно» стражники расслабились и задвигались.

– Уф, – сказал сержант Ргов. – У меня аж в ушах звенит. Значит, мы поработали не зря. А, лейтенант?

– Да, – кивнул Лахов и с некоторой неприязнью посмотрел на Фекалина. – Ты, сержант, избавься от тел.

– Есть.

– Есть, – передразнил Калис. – Как «есть» – он всегда готов, а как пить – нам без него отдуваться.

Форн Фекалин не обратил на поддевку внимания.

– Бульп трюльк... – сказали от двери. – С кем тут можно поговорить?

– Да с кем угодно, – не оборачиваясь, ответил Лахов. – Вон, с плакатом на стене, со шкафом в углу.

После такого ответа посетитель решил сменить тактику.

– Хлюпн тряк, мне бы самого большого начальника, – заявил он.

После такой просьбы лейтенанту пришлось обернуться.

В дверях стоял некто бородатый и лысый, но при этом – остроухий и наряженный в эльфийский зеленый кафтан.

– Ой, – дрожащим голосом сказал Ргов. – Может быть, и вправду пить с утра вредно для здоровья?

– Бульп вредно, – подтвердил эльф. – Так кто из вас главный?

– Я, – неохотно признал Лахов, не обнаружив в караулке офицера хотя бы одного с собой ранга. – Что у вас? Вы кого-то ограбили, обманули? Убили? Или вас убили?

– Трыльк мне нужно кое-кого поймать, – заявил эльф. – Я – старший хранитель музея Натуральной истории...

Лахов выслушал историю про змееморфа, покрутил в руках зелено-желтую чешуйку.

– Хм, ну, – сказал он. – Это несколько не наш профиль. Если бы ваш морфинистый змей кого-нибудь съел... И вообще, откуда он взялся, если они вымерли тысячи лет назад?

Эльф по привычке всех сильно умных люд... существ в ответ на вопрос прочитал Торопливым целую лекцию о древних тварях.

– Друльк а я откуда знаю? – заявил он в завершение. – Это не важно. Это к делу не относится. Трыльк главное – что его надо поймать!

Лейтенант задумался, по крайней мере, слегка выпучил глаза и возвел их к потолку. Отказать старику легче легкого, но зато потом могут возникнуть проблемы. Эльфийская община богата и влиятельна, и если она начнет вставлять палки в колени, жизнь стражи станет хуже.

В смысле – еще хуже.

Куда проще использовать старый как мир чиновничий прием. Сделать вид, что ты взялся решать проблему, а на самом деле запихнуть ее в самый дальний ящик и задвинуть папками.

Ящика и папок у Лахова не было, но общую концепцию он себе представлял.

– Сержант Ргов! – скомандовал он.

– Я!

– Запишите словесный портрет подозреваемого. Будем искать, – мощная глотка лейтенанта рождала ложь легче, чем тухлое мясо – опарышей. – Как только обнаружим – немедленно сообщим.

– А что такое портрет? – спросил Ргов, из всех видов искусства знающий только художественную роспись лица с помощью кулаков.

– Описание.

– А!

Ргов добыл карандаш и кусок пергамента и принялся записывать, ну или ставить на листке какие-то закорючки.

– Зеленый, чешуйчатый, зубастый, – подвел итог сержант. – Это крокодил получается. Как бы нам не арестовать кого другого по ошибке.

Эльф несколько опешил.

– Хляпс а что, в Ква-Ква много крокодилов? – спросил он.

– На любой улице. Каждый день на них натыкаюсь, – уверенно сообщил Ргов. – Только они без чешуи и не зеленые.

Старший хранитель открыл рот, пытаясь осознать глубину стражнической мысли.

– А откуда вы узнали про змееморфа? – неожиданно вмешался в разговор Форн Фекалин. – Вы сами его видели? А?

– Удалып нет. Студенты, которые проходят у нас практику. Они...

– Сержант Фекалин, ты еще тут?! – рявкнул Лахов. – Я тебе что приказал? Заняться трупами! А ну, выполнять немедленно!

– Есть.

Лахов проследил, как новоиспеченный сержант ринулся выполнять приказ, и удовлетворенно кивнул.

Ничего, он еще сделает из этого придурка настоящего Горопливого.

А первым делом отучит задавать глупые вопросы и научит пить пиво по утрам.

Вход в очередной зал музея украшала вывеска: «Выставка несуществующих существ».

– Это как? – спросил Рыггантропов, могучим усилием лицевых мышц создавая на лбу пару морщин.

Непривычная к такой нагрузке кожа неистово скрипела.

– Сссс! – Тили-Тили помотал головой, отчего его большие уши затряслись и поднялся легкий ветерок.

– Наверняка очень просто, – сказал Арс. – Для настоящего ученого имеет значение не факт, а красивая концепция, им самим придуманная. А если факт в нее не вписывается, то его и не существует. Сюда, похоже, собрали тварей, которые не укладываются ни в какие теории.

Экспонаты в зале оказались много более странными, чем

в других разделах музея. Хотя и там имелись существа и вещи, способные принудить к капитуляции рационально мыслящий мозг.

Тут находился нереальный кот, который то появлялся, то исчезал. За прочным стеклом лежало чучело плотоядного помидора-убийцы, ну а добрую половину площади зала занимал дракон. Золотисто-красный, немного поеденный молью и оттого страшно злобный на вид.

– А дракон-то им чем не угодил, типа? – вздохнул Рыггантропов. – Всем известно, что они есть.

– Всем известно – это еще не доказательство. С научной точки зрения, конечно.

В зале с несуществующими существами студенты провели целый день. Из музея вышли в сумерках, когда от запаха краски у всех троих кружилась голова. Рыггантропов настолько нанюхался, что даже не предложил выпить пива.

– Наконец-то домой, – сказал Топыряк и тут почувствовал, что за ним наблюдают.

Оглянулся, но не заметил ничего более подозрительного, чем пара прохожих и дворняга под забором.

Арс знал, что на нескольких магов рискнет напасть только безумец. Что даже профессиональный убийца подумает десять раз (убийцам, у которых мозги не очень велики, длинные мысли приходится обрабатывать поэтапно), прежде чем возьмется за подобный заказ.

Кроме того, Тили-Тили в схватке стоил отряда простых

воинов, а Рыггантропов умел бить морды и резать глотки куда лучше, чем колдовать.

И все же Топыряк нервничал.

– В натуре... – проговорил Рыггантропов, обладавший наследственным преступным чутьем. – Кто-то сел нам на хвост?

Из-под мантии он вытащил фамильный клинок, кривой, зазубренный и покрытый багровыми пятнышками того типа, о происхождении которых благоразумный человек не станет спрашивать.

Тили-Тили засвистел и прокрутил в руке короткий посох.

– Похоже на то, – сказал Арс, вскидывая руку и припоминая какое-нибудь заклинание, что годится не только против демонов. – Чего делать будем?

– Идти как шли, типа. Не оставаться же тут?

Мысль была здравая. Окрестности улицы Шести Струн считались местом довольно безопасным, но безопасное место по ква-квакским меркам – это то, где вас не убьют более одного раза за ночь.

– Пошли, – произнес Арс, пытаясь отыскать в глубинах сердца смелость.

Но та, похоже, дезертировала в пятки.

Они прошли улицу Шести Струн до конца, оставили позади Мотыжную площадь. Сумерки загустели, точно растворимый кофе, в который долили дегтя. На западе осталась гореть в вышине только яркая точка – вершина Влимпа, вели-

кой горы, служащей домом для богов.

И в темном, словно специально спроектированном для за-сад переулке дорогу студентам преградили.

– Ой! – сказал Топыряк, когда из подворотни шагнула су-тулая фигура, а за ней – вторая.

– Я бы даже сказал: «Ой-ёй-ёй», – добавил Рыггантропов, оглянувшись. – Нас, в натуре, окружили.

Арс решил назад не смотреть, чтобы не портить себе на-строения. Света звезд хватило, чтобы разглядеть тех, кто встал на пути студентов, – чешуя вместо кожи, на голове – гребень, когти на пальцах и зубы в пасти.

– Умрете! – Это одна из тварей ухитрилась прошипеть, хотя сделать такое со словом, где нет шипящих, довольно трудно.

– А как же, – согласился Арс. – Лет через сто. Вот вам!

И он швырнул приготовленное заклинание. Но вместо испепеляющего потока алого пламени с ладони сорвались несколько голубей и, суматошно хлопая крыльями, умчались ввысь.

– Ты решил завалить нас гуано? – спросил второй змее-морф. – Смерть!

Тили-Тили зашипел и шагнул вперед, поднимая посох. Рыггантропов двинулся назад, чтобы встретить тех, кто со-брался атаковать с тыла. Топыряк почувствовал себя лиш-ним, но это его ничуть не расстроило.

Если бы еще оказаться где-нибудь подальше...

Змееморфы атаковали стремительно, распластавшись над землей. Их красивый прыжок прервался, когда оба чуть ли не одновременно налетели на посох йоды. Но, к удивлению Арса, это не произвело на чудовищ особого впечатления. Раздался глухой стук, какой производит упавшее бревно, змееморфы свалились наземь, но даже и не подумали лишиться сознания.

Они вскочили и атаковали вновь, так что Тили-Тили пришлось отчаянно замахать оружием.

– Ыыы? Как же так? – спросил Топыряк сам себя.

Он оглянулся и обнаружил, что Рыггантропов деловито рубит тесаком еще двоих тварей. А те не спешат получать раны, особенно смертельные. Ловко уворачиваются и все норовят добраться до двоечника.

В момент, когда пыл чудовищ немного ослабел, две головы повернулись к Арсу и одновременно произнесли:

– Шшшш!

– Типа, в натуре!

Оба восклицания не могли похвастаться особой глубиной смысла, но Топыряк расшифровал их легко: «Сделай что-нибудь! А не то нас сейчас убьют, а потом сожрут сырыми!»

Арс напрягся и попытался вспомнить хоть какое-нибудь подходившее к случаю заклинание. Но в голову лезла всякая ерунда вроде экзорцизмов, Извлечения Скрытого Смысла и избавления от магического поноса...

Ага, но ведь если его перевернуть, то понос можно вы-

звать!

– Сегульдук! Барбидук! – воскликнул Топыряк и махнул сначала в одну сторону, а затем в другую.

Заклинание не породило никаких особых спецэффектов. Раздался тихий звон, словно разбился маленький хрустальный кубок, а за ним прозвучали шесть одинаково сдавленных стонов:

– Ыыыыххх!

Такой звук может издать существо, изо всех сил сражающееся с собственным кишечником. Ну а тот яростно пытается избавиться от содержимого как можно... ну, прямо сейчас...

Арс забыл, что это заклинание бьет по площадям.

И оно подействовало на всех, без исключения, а не только на змееморфов. Схватка прекратилась сама собой, поскольку сложно биться, когда твои собственные внутренности лезут наружу.

Студентов-демонологов учат справляться с подобными состояниями, ведь демоны способны вызывать понос одним своим видом. Поэтому Рыггантропов и Тили-Тили потеряли боеспособность лишь на пару мгновений, нужных для того, чтобы произнести контрзаклинание.

А вот змееморфы дружно схватились за животы и метнулись прочь.

– О, получилось... – сказал Топыряк дрожащим голосом.

– Шшшш!

– Еще как... – просипел Рыггантропов. – Я чуть штаны не испортил. Ну что, а теперь побежали?

– Куда?

– Туда, где они нас не достанут, в натуре.

– Ссссс! – свистел и размахивал лапками йода, пытаюсь привлечь к себе внимание.

Когда это удалось, Тили-Тили изобразил некий жест, красноречиво обозначивший жуткие муки.

– Точно, университет, – сказал Арс. – Там они нас не достанут.

– Типа того, – кивнул Рыггантропов.

Возник и удалился топот.

В темном переулке воцарилась тишина, нарушаемая лишь надсадным сопением из подворотни.

Мэр Ква-Ква Мосик Лужа пребывал на своем посту много лет и успел несколько, как бы это сказать, заплыть жирком.

Во всех смыслах этого слова.

Последнее время он очень не любил вспоминать, что его должность связана еще и с какой-то «работой», а не только с возможностью хорошо кушать, регулярно выпивать и не беспокоиться ни о чем. Ну, разве что о том, чтобы набивать собственные карманы (в том числе и внутренние).

Хотя подобная метаморфоза происходит почти со всеми политиками, и Мосик Лужа не являлся исключением.

Он подписывал документы, которые совали ему советни-

ки, и не вникал вообще ни во что. И город, как это ни странно, прекрасно функционировал, словно и не был ему нужен мэр вместе с оравой алчных чиновников.

Но таких мыслей Мосик Лужа не любил и поэтому не допускал даже в чужих головах.

Что уж говорить о своей?

Но сегодня Мосика Лужу потревожили самым непочтительным образом. Причем сделал это тот, от кого мэр не ожидал подобной подлости, – старейший из его советников, Глагол Пис.

Переживший чуть ли не десяток мэров, он давно лишился всяких рудиментов вроде совести или чести. Но зато натренировал спинной хребет до такой степени, что тот начинал чувствовать неприятности задолго до их возникновения. А голова чиновнику подобного уровня обычно вообще не нужна, он может великолепно обходиться и без нее.

Сегодня Глагол Пис проник в кабинет мэра вскоре после полудня, когда Мосик Лужа отдыхал от утренних трудов. Те заключались в том, что он выпил бутылочку пива.

– Э... ургх хррр... брр? – С помощью этих звуков лежавший на диване мэр ухитрился выразить недовольство и одновременно сомнение в реальности происходящего. – Это хтоо?

Чтобы кто-то осмелился войти просто так?

– Это я, господин, – сообщил Глагол Пис. – Не посмел бы оторвать вас от трудов, но... у нас проблемы.

– Хрубл-брубл, – сказал Мосик Лужа и сел. – Неужели нельзя было решить их, ну, в этом, в рабочем порядке?

– Нет. У нас очень большие проблемы. Казна пуста.

– И всего-то? – поморщился мэр. – Она регулярно бывает пуста. Значит, нужно придумать новый налог и быстренько собрать его.

– Мы только десять дней назад ввели налог на топтание улиц. Со сбором, как обычно, возникли некие трудности, но изрядное количество бублей поступило в казну и было обменяно на золото.

– И что, оно исчезло? – Мосик Лужа зевнул. – Эка невидаль. Кто-нибудь из вас его и прикарманил. Это называется, ага, освоить бюджет. Надо казнить человек пять, ну а имущество забрать. Все и вернется обратно.

– Нет, господин, бюджеты тут ни при чем, – сказал Глагол Пис. – По документам, золото лежит в хранилище. Но на самом деле его там нет. Оно исчезло за одну ночь. Там, где лежало, осталась лишь красноватая пыль.

– О!

Только тут в проржавевшем мозгу мэра появилась слабая искорка мысли.

Да, советники и прочие чиновники любят воровать деньги, но, украв, они не бегут докладывать начальству. Да, можно вводить по налогу раз в месяц, но карьера правителя, избравшего такой способ обогащения, обычно заканчивается довольно быстро и крайне болезненно.

– Воры? – предположил Мосик Лужа. – Нужно позвать стражу?

– Вряд ли, – покачал головой Глагол Пис. – Никаких следов взлома, да и охраняется дворец хорошо.

– Тогда что? – Искорка мысли стала огоньком, и этот огонек сделался багровым, цвета тревоги.

– Похоже, что это магия. Нечто подобное случилось в особняке лорда Дырга, где разом исчезли все драгоценности. Доходят слухи, что сильно беднее стал Тощий Брык и что в храме Бевса-Патера проблемы с наличием.

– С наличием?

– Точнее, с ее отсутствием.

– Вот как? – Мэр был не против, что заносчивые жрецы и наглый Брык лишились своего золота, но заподозрил, что этим все не ограничится. – Эй, Сарданька!

В кабинет заглянул тощий прилизанный юноша на побегушках по имени Сарданапал.

– Чего изволите? – спросил он.

– Бездельников ко мне!

– Это каких?

– Самых бесполезных!

В подчинении у Мосика Лужи находилась куча людей, и большинство из них можно было назвать бездельниками. Но почти все они приносили какую-то пользу, хотя бы тем, что время от времени на них можно было спихнуть ответственность или сорвать плохое настроение.

Из общего ряда выбивались двое специалистов по управленческой магии.

Та являлась одной из самых таинственных и загадочных областей волшебного знания. Всем было понятно, что она существует, иначе бы Магический Университет не выпускал колдунов такого профиля. Но вот как она действует и для чего нужна – на этот вопрос не мог ответить никто из преподавателей соответствующей кафедры.

Или мог, но не спешил, опасаясь за собственное благополучие.

Временами Мосик Лужа подозревал, что управленческие маги самые настоящие дармоеды, но побаивался говорить об этом вслух.

Какой бы ты ни был мэр, лягушка из тебя выйдет обычная, зеленая и скользкая.

– А, понял. Чародеев, – сказал Сарданька и шмыгнул носом. – Да, господин мэр, там к вам эльф просится...

– Эльф? Чего ему надо?

Удивление Мосика Лужи можно было понять.

Чтобы попасть пред его светлые очи, нужно было быть либо очень терпеливым, либо ужасно хитрым, либо невероятно наглым, ну или крайне богатым (хотя бы в начале процесса). Восхождение по ступенькам бюрократической пирамиды являлось нелегким делом, рядом с которым меркли всякие банальные подвиги вроде победы над демоном или чистки божественного сортира на Влимпе...

Ну а нелюди вообще предпочитают с этой пирамидой не связываться.

– Хранитель какого-то музея, – сообщил Сарданька. – Говорит, что будет очень сильно расстроен, если вы его не примете.

Мэр и его советник обменялись взглядами, кислыми, точно щавель.

– Иди за магами, – велел Мосик Лужа. – А этого остроухого урода зови. Мы же должны быть это, толерантны ко всем расам...

Сарданапал исчез, и вместо него в дверь кабинета вошел эльф, такой дряхлый, словно явился в мэрский дворец прямо из могилы. Мосик Лужа пальцем шевельнуть не успел, как оказался погребен под лавиной слов и бульканья, из которой понял лишь то, что срочно надо кого-то ловить.

– Э, хм... ну... – сказал он. – Да, дело важное. Немедленно отправляйся в... – глава города порылся в памяти, вспоминая, кто из чиновников последним вызвал его гнев, – комнату сто пять. Там сидит Толсто Гнидссон, глава департамента редких вопросов. Он тобой и займется.

Эльф пробулькал что-то вроде благодарности и удалился.

– Что это было? – спросил Мосик Лужа, ощущая легкое раздражение. То ли по поводу того, что ничего не понял, то ли по поводу забрызганного слюной стола. – Эльф или верблюд?

– Может, полукровка? – предположил Глагол Пис, имев-

ший о животном мире предельно смутные представления.

Но мэр и советник тут же забыли об эльфе, поскольку в кабинет вошли колдуны.

Винтус Болт и Дубус Хром-Блестецкий большую часть времени работали магами-спецами по управлению, то есть вообще ничего не делали. Поэтому вид у них был очень упитанный.

Человек невежливый сказал бы, что их круглые рожи нагло лоснились.

– Явились, дармоеды? – поприветствовал подчиненных Мосик Лужа, признанный эксперт по работе с персоналом. – Пора вспомнить, что вы умеете не только жрать и важно дуть в щеки.

– Позвольте... – сказал Дубус Хром-Блестецкий. – Вы имели в виду: надувать щеки?

– Минуточку... – поддержал коллегу Винтус Болт. – Вы...

– Никакой минуточки! – рявкнул мэр. – Вы обходитесь мне, то есть городу, в круглый бубль! И сегодня вам придется доказать, что все эти годы вы не зря получали деньги! Садитесь!

Вскоре маги узнали, что случилось с золотом в городской казне, и лица их стали немного менее самодовольными.

– Мы постараемся выяснить, что случилось, – сказали они в один голос. – Но мы ведь не специалисты.

– Знаю, – ухмыльнулся Мосик Лужа той особой улыбкой, какой владеют лишь начальники. – Вы специалисты только в

безделье. Но постарайтесь. И очень быстро. Иначе я вспомню, что ужасно давно никого не увольнял. И не сажал на кол...

Хранилище казны располагалось в подвале Останкинской башни, той самой, что толстым уродским пальцем торчит над Ква-Ква. Процесс проникновения в него состоял в основном из переговоров с разного рода стражниками, взвизгивания дверных петель и клацанья засовов.

Винтуса Болта и Дубуса Хром-Блестецкого сопровождал капитан мэрской стражи, и поэтому этот процесс закончился для них довольно быстро. Клацнул последний, самый большой замок, завизжали петли необычайно толстой двери, и маги шагнули в обширное помещение.

Тут стояли ящики, на каждом имелась надпись: «Не вли-зай! Убьеть!».

– Так вот, господа, – сказал капитан стражи, оглаживая длинные, завитые на кончиках, истинно капитанские усы. – Как видите, стены, двери и замки целы. А содержимое этих вот...

– Мы сами, – остановил его Хром-Блестецкий, знавший, что капитан любит поговорить с умными людьми.

И поэтому частенько беседует даже с собственным отражением в зеркале.

Капитан обиженно замолчал, а маги двинулись к ближайшему ящичку и заглянули под крышку.

Хранители казны полагались на замки и охрану, а также на страшную надпись, и поэтому крышка была даже не закреплена. А в чреве ящика, там, где должны были весело поблескивать золотые слитки с клеймом мэрии на боку, имелся лишь тонкий слой рыжей пыли.

Винтус Болт взял горсточку и поднес к носу.

– Ничем не пахнет, – уныло сообщил он.

– Мне кажется, коллега, это не наш профиль, – заметил Хром-Блестецкий. – Мы, как бы это...

– И ты рискнешь сообщить об этом мэру? Чтобы мы с тобой резко сменили агрегатное состояние с твердого на газообразное?

– Это как?

– С помощью костра.

– О!

Некоторое время длилось задумчивое молчание. Винтус Болт разглядывал пыль, а Дубус Хром-Блестецкий размышлял, не собрать ли ему манатки и не отправиться ли в путешествие для поправки здоровья. Куда, он особо не задумывался. Главное – подальше от мэра, способного это здоровье свести к нулю.

– Ладно, – наконец сказал Винтус Болт. – Попробуем применить что-нибудь из заклятий познания. Эти ящики должны помнить, что случилось со спрятанным в них золотом. Ведь так, коллега?

– Так, – согласие это выглядело унылым, как осенний ве-

чер на кладбище.

Оставшийся у дверей капитан увидел, как маги склонились над одним из ящиков. Из их ладоней заструилось голубоватое свечение, а потом внутри ящика завозилось, будто там появились занятые размножением кролики. Полетели белые искры, особенно яркие в мраке хранилища.

Тот маг, что повыше, закричал, тот, что пониже, засопел.

Капитан на всякий случай взялся за палаш и выдвинул вперед нижнюю челюсть, похожую на оголовье тарана.

– Ничего себе, – проговорил Дубус Хром-Блестецкий, когда заклинание с тихим шелестом скончалось. – Кто бы мог подумать, а?

– Ага, – согласился Винтус Болт. – Мелкие злобные ублюдки. Они всегда были мне очень подозрительны. И как только догадались сотворить такое? Нанести удар в самое... самый желудок нашего города.

– И не только города, – побледнел Хром-Блестецкий, которому пришло в голову, что он давненько не осматривал собственный золотой запас. – Всем гражданам... Поэтому мы...

– Сейчас отправимся по домам, – поддержал коллегу Винтус Болт, чьи мысли потекли в схожем направлении, – а завтра, когда помозгуем, доложим обо всем мэру...

И маги взяли такой резвый старт, что капитан успел только посторониться и проводить их глазами.

Дверь таверны «У Толстого Маззи» открывалась с таким зловещим скрипом, что его с удовольствием купил бы сам граф Дрюкула или представитель семейства Адамс. Хозяин заведения, принадлежавший к малочисленной расе выползней, скрипом гордился и периодически смазывал петли секретной и ужасающе вонючей жидкостью.

«Для звучку», – приговаривал он.

Таверна, расположенная на перекрестке улицы Оплывших Свечей и переулка Ушной Серы, снаружи ничем особым не выделялась. Зато внутри... о, о том, что там имеется внутри, знали завсегда, ну и немногие люди, посетившие заведение в живом и целом виде.

Дверь скрипнула особенно зловеще, и сидевшие (а также стоявшие, лежавшие и висевшие) за столиками существа обратили взгляд на вошедшего. В глазах, буркалах и зрительных пятнах возникло удивление.

На пороге стоял человек, бородатый и безоружный, да еще и с повязкой на глазах.

Нет, люди в заведении «У Толстого Маззи» бывали частенько, но в основном в виде окровавленных кусков мяса.

– Хшшш... – сказал один из вампиров, принюхиваясь. – Ты кто?

– Славу воспой ты, о Муза, о мне, о великом поэте Уме-

ре! Мощным словами и сладкими песнями полным! – завопил старик, извлекая из-за спины доску с натянутыми струнами. – Готов я развлечь вас, о шлемоблестящих героях поведав, о злобе чудовищ и горести ихней судьбины!

Горгона, отличавшаяся тонким слухом, упала в обморок, вампиры, знающие толк в криках, одобрительно кивнули.

– Ага, – пробулькал Толстый Маззи, возвышавшийся за стойкой, как гора экскрементов. – То есть ты этот, певец?

– Аэд Умер!

– Ну, раз умер, то заходи, – решил оползень. – Спой нам про чудовищ, только не слишком громко...

Умер считал, что поэт должен быть поет (в смысле, накормлен) и напоеет (в смысле, пьян). Но с воплощением этой концепции в жизнь порой выходили некоторые трудности. Например, сегодня аэда вышвырнули из трех таверн подряд, и поэтому он был несколько расстроен и не очень хорошо соображал, что творится вокруг и куда именно занесли его ноги.

Пока Умер шел к стойке, те из посетителей, у кого имелись затылки, задумчиво чесали в них.

У кого затылков не было, делали это мысленно.

Собравшиеся тут существа знали, что делать, когда ты нападаешь на человека, знали, что делать, когда он нападает на тебя. Но они не представляли, как себя вести с человеком, который собирается тебе спеть.

Ну а Толстый Маззи подумал, что можно внести некое

разнообразие в звуковую начинку таверны. Рычание, вой, чавканье и предсмертный визг могут надоесть самому терпеливому кабатчику.

– Так, иди к стойке, – пригласил выползень.

– О, цветочек, – сказал Умер, разглядывая растение в горшке, что красовалось на стойке и одуряюще пахло.

– Осторо... – закончить предупреждение Толстый Маззи не успел.

Один из цветочков обернулся зубастой пастью, а та, зарывшись, попыталась тяпнуть Умера за палец.

– Ой! – отскочил аэд. – Что это?

– Дикая орхидея, – сообщил Толстый Маззи. – Недавно из Пуши привезли. Ну, ничего, мы ее воспитаем...

– Предупреждать надо!

Умер отодвинул хлипкий табурет подальше от злобного растения. Для порядка прокашлялся и начал петь. Сначала он исполнил краткую, на десять тысяч строк, поэмку «Над пропастью не ржи», а потом принялся за мегаэпическое произведение, посвященное битве у Старой Пасеки.

На самом деле это была обыкновенная стычка между двумя бандами мародеров, но истина в поэзии выглядит иногда очень причудливо. Поэтому Умер надрывался, выпевая занудные родословные участников баталии и используя слова типа «многошумящий», «пьяно-гремящий» и даже «мертво-смердящий».

Такие термины всегда приносят прибыль, это он знал точ-

но.

Вот и сейчас в сторону аэда полетели монеты – то ли в знак благодарности, то ли посетители просто решили попрактиковаться в дартсе.

– Встала над сушей исполнена бодрости Зоря! Ложе покинул и хитренький Вася Задонский! – вопил Умер, не забывая подглядывать из-под повязки.

Просто так, из любопытства.

В таверне все шло как обычно – три фея напивались, кто-то жрал человечину, в углу клубилось облако фиолетового дыма. Из него доносились тибидохающие звуки, явственно говорившие, что там курят вовсе не табак.

Потом дверь открылась, и вошел худощавый молодой человек.

Десятки рыл и морд повернулись к нему, свет факелов блеснул на обнажившихся клыках.

Но молодой человек сделал что-то, что именно, Умер не разглядел, и посетители вернулись к своим Кровавым Мэри (или Салли?). А новый посетитель, чье лицо вдруг показалось аэду знакомым, направился к столу, за которым сидели оборотни, числом не меньше дюжины.

Стоит заметить, что оборотни – самая неподходящая компания для кого угодно, даже для других оборотней. Они не уважают силу и не могут похвастаться умом по той причине, что никогда не задумываются, что такое этот самый ум и с чем его едят.

Но молодого человека не попытались сожрать тут же, только порычали немного.

А он уселся за тот же стол, и аэд перестал его видеть.

Умер продолжил петь, живописуя переломный момент битвы, когда нож одного из сражавшихся свалился в колодец. Чтобы передать переживания героя, пришлось напрячь силы, но аэд все же заметил, что оборотни затихли и наклонили головы, точно уставились на что-то.

Ну а затем брошенный одним из вампиров бубль треснул Умера по лбу, и певцу стало не до наблюдений.

Сложно глядеть по сторонам, лежа без сознания.

– Хороший бросок, – одобрил Толстый Маззи. – Пусть отдыхает. Сожрать его не позволю. Это плохо отразится на... – он наморщился всем телом, и в помещении сильнее завоняло горячим навозом, – интеллектуальном имидже нашего заведения...

Толстый Маззи был современным, образованным выползнем и старался быть в курсе новых модных словечек.

Лейтенант Лахов в сопровождении сержантов Ргова и Калиса патрулировал окрестности кабачка «Потертое ухо». Делали они это в положении лежа, но с задачей справлялись отлично.

Вокруг точно не происходило никаких преступлений.

– Стой, раз-два, – пробормотал Лахов. – Вольно. На первый-второй рассчитайсь.

– Первый, – проблеял Ргов.

– Второй. – Голос Калиса прозвучал глухо по причине того, что его хозяин лежал на дне сточной канавы. – Лейтенант, третьим будешь?

– Буду. Расчет окончен. – Лахов напряг содержимое того, на чем носил шлем и что называл головой. – Так, все видят то, что вижу я?

– Так точно, – ответили сержанты, давно усвоившие простую истину, что с начальством лучше соглашаться.

По крайней мере, полезнее для здоровья.

– Тогда нам надо вызвать страшного хренителя.

– Кого? – удивился Ргов.

– Ну, старшего хранителя, в смысле. А то вокруг меня эти скачут, зеленые, чешуйчатые, с зубами.

– А у меня они с рогами, – произнес Калис.

– Но они какие-то маленькие, – сообщил Ргов после паузы. – А он говорил, что они большие.

– Ага. – Лейтенант обдумал ситуацию, ну или, по крайней мере, несколько минут помолчал. – Тогда ладно, никого звать не будем. Это все нам кажется. Продолжим патрулирование.

– Ага.

– Так точно.

Торопливые продолжили охранять покой мирных граждан, а зеленые, рогатые и зубастые – скакать по ним с веселым писком.

Три запыхавшиеся фигуры возникли из тьмы и остановились около ворот Магического Университета.

– Вот и он, – пропыхтела одна из них, самая человеческая.

– Типа, – подтвердила вторая, что скорее подошла бы троллю.

– Сссс, – несколько невнятно произнесла третья, при взгляде на которую вспоминались кролики и гномы.

– Пароль! – проревели золотые драконьи головы на воротных столбах.

– Триста шестьдесят, – сообщил Арс, и трое студентов торопливо вошли во двор, пустой и совершенно темный.

Это не выглядело удивительным – кто будет учиться ночью?

– Куда дальше? – полюбопытствовал Рыггантропов.

– Внутрь. А там – в библиотеку, – проговорил Арс. – Туда змееморфы точно не сунутся. А мы заодно поищем про них что-нибудь. Должно же быть какое-то специальное... ну, как бы заклинание.

– А как мимо вохртера пройдем?

ВОХР – Волшебную Охрану в университете завели несколько лет назад, после одного неприятного события.

– Да он спит, наверное.

Студенты проникли в дверь, над которой висел плакат с надписью: «Посторонним в в...», и оказались перед конторкой. Дремавший за ней волшебник в черной мантии поднял

голову.

– Кто тут? – спросил он, подслеповато моргая и хватаясь за стоявшую на конторке масляную лампу.

Под рукой у вохртера имелся короткий меч, а еще сигнальный колокольчик, предназначенный для вызова группы быстрого реагирования, обитавшей в одной из аудиторий верхнего этажа.

«Не спит», – подумал Арс, падая на пол.

Рядом шлепнулся йода, а сверху их придавил Рыггантропов, похожий на небольшую, но очень тяжелую скалу.

«Показалось, – решил вохртер. – Понятное дело, ночью сюда никакой идиот не полезет».

Он повозился, поудобнее устраиваясь в кресле, и вскоре захрапел. А студенты двинулись дальше, но молча и ползком. Дух перевели, только свернув за угол.

– Ты с ума сошел? – спросил Арс, тщетно пытаясь отряхнуть мантию. – Меня чуть не раздавил.

– Шшшш!

Тили-Тили, судя по интонации, был очень сердит.

– А чего? – удивился двоечник. – Там просто места рядом свободного не было, в натуре.

Это, скорее всего, было правдой. Места Рыггантропову требовалось немало.

Немного поворчав и поохав, студенты двинулись дальше. Поплутали в темных и умеренно страшных коридорах, а потом увидели лестницу, ведущую к черным дверям, украшен-

ным серебристыми рунами.

Магический Университет – сам по себе место опасное, но эпицентр этой опасности располагается в подвале, там, где находится библиотека, самое большое в Лоскутном мире хранилище манускриптов по колдовству. Заходить туда побаиваются даже преподаватели, точно знающие (студенты об этом лишь догадываются), что меж заставленных толстыми томами полок сгинул не один десяток человек.

Властвовал тут библиотекарь, принадлежащий к малоизученной расе гроблинов.

– Вот мы и пришли, – сказал Арс, ступая на лестницу. – Интересно, Мешок Пыль сейчас спит?

– Скоро узнаем, – отозвался Рыггантропов.

Тили-Тили толкнул дверь, та бесшумно открылась, обнажив заполненную шорохом и запахами книжной пыли черноту. В ней что-то завозилось, вспыхнула свеча. Ее свет упал на небольшой стол, заваленный каталожными карточками.

Существо, державшее свечу, повернулось, показав зеленоватое лицо, складки на щеках и пылающие глаза.

– Злобной ночи, – проговорило существо. – Как приятно, что решили прервать мой сон.

Система ценностей у гроблинов несколько отличается от обычной.

Градусов эдак на сто восемьдесят.

– Э, извини, Мешок, – произнес Арс. – Мы бы не решились, ну, потревожить тебя. Но тут нас едва не убили...

Библиотекарь оглядел всех троих, а потом очень тихо, но печально вздохнул и сказал:

– Заходите.

Выслушав историю о встрече с зубастыми чешуйчатыми тварями, он задумчиво почесал подбородок и изрек:

– Скажи мне, кто твой враг, и я скажу, кто ты.

– А если мой враг – давно вымерший урод, то кто я? – спросил Рыггантропов. – Другой давно вымерший урод?

Двоечнику достался еще один задумчивый взгляд гробли-на.

– Вряд ли, если говорить насчет вымершего, – вынес тот вердикт. – Змееморфы. Очень банально. Сейчас попробуем вспомнить, что у меня есть о них. А ну-ка... шаххуссраа-махусса...

Он зашипел, точно клубок змей, на который наступили сапогом. В библиотечной тьме начали вспыхивать желтые огоньки. Послышался шорох, какая-то возня, потом шум бьющих по воздуху крыльев.

Когда Арс разглядел силуэт летевшего к ним существа, он понял, что это не крылья.

Натужно загребая черным переплетом, к ним приближался огромный фолиант.

– Погано, – заметил библиотекарь, поднимая руку, точно опытный сокольничий. Книга уселась к нему на запястье, стало ясно, что обложку ее украшает оскаленная морда с красными глазами. – Это библиографический справочник по

разумным расам, древним или вымершим...

Мешок Пыль пощекотал книге корешок, та зашелестела, словно замурылкала, и открылась. Замелькали страницы, украшенные гравюрами с изображениями причудливых существ.

– Вот, – гроблин заложил фолиант пальцем. – Змееморфы. По ним имеется четыре труда... три есть у нас...

Он вновь зашипел, но в другой модальности, и на зов откликнулись три книги. Точнее, не совсем книги – глиняная табличка с какими-то значками, сушеный пальмовый лист, покрытый царапинами, и свиток из непонятного материала, похожего на ситцевую ткань.

– И как это читать? – спросил Арс. – А я и не знал, что ты умеешь вот так подманивать книги.

– Я много чего умею, но показывать это не спешу. – Мешок Пыль оскалился, изобразив нечто среднее между яростью и торжеством. – А что до расшифровки, то я вам помогу... Так.

Через полчаса трое студентов знали о змееморфах больше, чем все мудрецы мира.

О том, что жили они кланами, воевали со всеми, кто попадался им на глаза, включая муравьев и пчел. Что обладали своей, мрачной, темной и непонятной всем остальным магией, а еще были очень упорны и мстительны.

– Что, так и написано? – дрожащим голосом спросил Арс, глядя на зажатую в руках библиотекаря глиняную табличку,

искрящую, точно трансформатор в сырую погоду. – Э, про эти... кишки?..

– Да, так и написано, – подтвердил гроблин. – Врагов они преследовали неумолимо, передавали месть детям. А когда те находили того, кто некогда навредил клану, то вспарывали ему живот и ритуальным образом пожирали кишки.

– А чем ритуальное пожирание отличается от обычного, в натуре? – заинтересовался Рыггантропов.

– Для того, чьи кишки жрут, никакой разницы. – Арс нервно огляделся. – Ты уже не услышишь тех обращений к богам и старинных священных песнопений, что прочтут змееморфы над твоими внутренностями. Они ведь не проникнут сюда? Не проникнут?

– Сссс.

– Йода прав. – Мешок Пыль положил табличку рядом с сушеным листом, над которым дрожало розовое марево. – Пробраться в библиотеку сумеет разве что бог, да и то – не всякий.

Топыряк это понимал, но страх отогнать не мог.

Слишком хорошо помнил зубастые пасти, острые когти и жуткие злые глаза.

– Э... ну... а как насчет заклинаний? – спросил он. – Каких-нибудь специальных... против них?

– Скучная задача – найти такие. – Гроблин задумчиво подвигал участками кожи над глазами. – Но я, пожалуй, займусь ею. А вы пока ложитесь спать. Прямо здесь, у стенки.

Никто не причинит вам вреда. Ну а к завтрашнему дню что-нибудь придумаем. Утро вечера не тупее, как говорят у вас, людей.

Смысл пословицы Мешок Пыль, по крайней мере, не переверал.

В двери мэрского кабинета ударили, судя по железному звону, тараном, и они открылись. Внутрь ввалился капитан стражи, двое его подчиненных с извивавшимся и сопевшим мешком в руках, и в арьергарде – Винтус Болт и Дубус Хром-Блестецкий.

Мосик Лужа, проснувшийся всего лишь полчаса назад и поэтому соображавший не очень хорошо, спросил:

– Что это?

– Причина всех наших проблем, – злобно буркнул Винтус Болт, а Дубус Хром-Блестецкий поддержал коллегу:

– Да-да!

Один из колдунов хранил золотые монеты в сундучке под кроватью, другой – в тайнике под печкой. Но оба вечером обнаружили, что их заначки постигла одинаковая судьба.

Золото исчезло, остался лишь рыжеватый «пепел».

– Вынимайте! – велел мэр.

– Есть! – рявкнул капитан и махнул рукой.

Стражники перевернули мешок, и из него на пол вывалился дородный и очень бородатый гном в длинной розовой ночной рубашке, расшитой молотами, секирами и чеканами.

– Апчхи! – сказал гном, отчего его борода встала дыбом.

– Поставить на ноги! – последовал новый приказ.

Он был исполнен мгновенно.

Мосик Лужа грозно воззрился на поставленного перед его столом гнома, но тот лишь нагло выпятил бороду.

– Так, – сказал мэр. – Капитан, кто это? И где ты его взял?

– Докладываю! – рывкнул капитан стражи так, что задрожали оконные стекла. – Согласно вашему приказу мы вторглись... точнее, проникли на территорию гномьего квартала, где и произвели задержание задержанного. Потерь среди личного состава нет. Задержанный опознан как старейшина клана Твердозадов!

– Твои воины нарушили нашу границу, выбили двери моего дома и разбили кружку моего дедушки, – мрачно проговорил гном. – И за это ты ответишь, особенно за кружку. Таких сейчас уже не делают. Пиво в ней не скисало годами. И ты ответишь, это обещаю тебе я, Длинная Дубина! Похоже, что мэрия решила в открытую угнетать представителей нашего маленького, но гордого народа? Но ничего, она об этом еще пожалеет...

Лоскутный мир знал этнические конфликты, хотя еще не изобрел такого понятия.

Но разумные существа всегда и везде не любят тех, кто на них похож, но не совсем, и какие-то понятия им для этого не нужны. Ведь как приятно знать, что твой сосед много хуже тебя, несмотря на свои богатство и ум, и всего лишь из-за

того, что кожа у него чуть темнее, нос с горбинкой или боги другие...

Осознание этого помогает пережить тяжелые времена.

А если они станут совсем уж тяжелыми, можно взять факел и сжечь дом соседа.

Это ведь куда проще, чем самому стать умным или богатым.

– Капитан немного погорячился, – сказал Мосик Лужа, вспомнив, что хуже гномов могут быть только злые гномы. – Он извинится. Потом. Всем известно, что мы э... этнически толерантны. А сейчас объяснитесь, – мэр перевел взгляд на магов, – что, вот этот мелкий бородатый пакостник виноват в том, что из наших подвалов исчезло золото?

Гном сердито запыхтел, но удивленно замолк, когда под нос ему сунули щепоть коричневого порошка.

– Пусть объяснит вот это! – заявил Винтус Болт тоном сыщика, предъявившего убийце труп с ножом в спине.

– Чего я должен объяснять? – спросил Длинная Дубина.

Рассказ о том, что произошло с золотом в городской казне и других, менее важных местах, не занял много времени.

– Хм. – Часть лица гнома, что виднелась над бородой, стала озабоченной. – А ну, дай-ка сюда...

Он взял щепоть коричневого порошка с ладони Дубуса Хром-Блестецкого и осторожно понюхал. В мэрском кабинете наступила такая тишина, что стало слышно сопение подслушивавшего за дверью Сарданапала.

По бороде гнома побежали искры, глаза его выпучились, точно два воздушных шара, в которые накачивают водород.

– Ур-ур-ур... Апчххии!!!! – громогласно чихнул Длинная Дубина, отлетел к стене и врезался в нее, как маленький метеорит.

Стоявшая в углу статуя мэра угрожающе качнулась.

– И что это значит? – испуганным шепотом спросил Мо-сик Лужа.

– То, что я простудился, пока ваши придурки, – тут капитану и его воинам достался яростный взгляд, – несли меня по улицам. Так, дайте, я понюхаю это еще разок... Хм, похоже на «след золота»...

– След золота? – переспросил Винтус Болт.

– То, что появляется до золота и остается после него, – несколько туманно объяснил гном. – А исчезнуть золото может только в одном случае: если испугано Гномьим Эхом. Значит, Гномье Эхо пришло в Ква-Ква.

Если обычно лицо мэра напоминало помидор, то сейчас оно походило на помидор, обнаруживший, что его стебель едят гусеницы.

– Откуда? И что это такое?

– Согласно легендам так называется старинное гномье заклинание. А... а... апчхи! Что, капитан, ваш панцирь больше не блестит? Ничего, сопли легко отмываются. Ха-ха. Так о чем это я?

– О Гномьем Эхе, – в один голос напомнили оба мага.

– Да. Его создал один наш колдун, много тысяч лет назад, чтобы досадить врагам. – Длинная Дубина важно поднял указательный палец. – Но не рассчитал сил. Ну, пришлось это заклинание ловить и прятать в глубинах под необитаемыми горами...

– Необитаемыми горами... – Мосик Лужа нахмурился. – Дикие горы... Там, говорят, одна из вершин лопнула?

– Ну да, говорят, – отвел глаза гном.

– А значит, через дырку вырвалось это самое ваше проклятие. И набросилось на наш беззащитный город, точно разбойник на жертву. Эх, вы за это ответите! Ох ответите!

– Эй, полегче на поворотах! – Длинная Дубина принял гордый и независимый вид, но все испортил очередной чих. – Ааапчхиии! Ой, уф... ух... хы. Извини, босс, слегка забрызгал твой стол. А отвечать мы не будем! Гномье Эхо действует только там, где собрано в кучу огромное количество золота. Разве мы виноваты, что вы, люди, такие жадные и стащили в Ква-Ква столько всякого добра?

Мэр сердито засопел, голос его стал зловещим:

– Ох, смотри, люди в этом разбираться не станут! Возьмут дубье и...

– Ничего-ничего! – Длинная Дубина потряс кулаком. – У нас тоже не только кузнечные молоты есть! Мы привыкли к вековому угнетению!

– То-то ты выглядишь угнетенным, – пробормотал Винтус Болт, разглядывая выпирающее через ночную рубаху брюш-

ко гнома. – Паутинный шелк, если не ошибаюсь? И пахнет от тебя не пивом, а дорогим вином...

Гном сделал вид, что ничего не слышит.

– Но угнетение может и не начаться, – вступил Дубус Хром-Блестецкий, – если ты скажешь, как бороться с этой напастью.

– Не знаю. В легендах про это ничего не говорится. Это вам надо колдуна какого спросить, желательно постарше.

– Так достань нам такого колдуна! – Мосик Лужа ударил кулаком по столу и мгновенно пожалел об этом.

Рука чуть не прилипла.

– Достать колдуна? – Длинная Дубина собрался было покрутить пальцем у виска, но вовремя вспомнил, с кем разговаривает. – Это колдун кого хочешь достанет. В городе наших чародеев нет. Мы, конечно, можем отправить гонца в горы, но никто не даст обещания, что маг согласится приехать. Что ему местные проблемы? А даже если и согласится, то прибудет через месяц-другой. Спешка, сам знаешь, неприличное дело.

– Так. – Мэр неожиданно стал очень спокойным. – Капитан!

– Есть!

– Доставить старейшину обратно на место. Кружку склеить, двери починить.

– Так точно! – Усы капитана изобразили нечто вроде вопросительного знака.

Таких задач bravому стражнику решать еще не приходилось.

– И еще, капитан.

– Да?

– По дороге вылечить его от простуды!

– Так точно! – После этого возгласа усы и вовсе обвисли, точно хвост у нашкодившей собаки.

Капитан махнул рукой, гнома схватили и, прежде чем он сказал хотя бы слово, запихнули в мешок. Стражники отдали честь и удалились. Ну а Мосик Лужа кивнул и повернулся к Винтусу Болту и Дубусу Хром-Блестецкому.

– А вам, – сказал он, – нужно пойти и рассказать обо всем магам. Не таким, как вы, ленивым бездельникам. А настоящим, умным и мерзким колдунишкам, что обитают в университете!

– Позвольте... – проговорил Винтус Болт.

– Минуточку, – поддержал коллегу Хром-Блестецкий.

– Немедленно!! И чтобы к вечеру у меня был ответ! Иначе – на кол!!

С приказом, высказанным в такой форме, спорить будет только идиот.

* * *

Игг Мухомор ездил на работу в карете.

Во-первых, потому, что неприлично аристократу в семь-

десять шестом поколении ходить пешком.

Во-вторых, потому что жил в некотором удалении от улицы Тридцатисемилетия Открытия Канавы.

Ну а в-третьих, он просто ленился.

Этим утром Магучий Единственный Ночальник Торопливых, как обычно, влез в скрипучее сооружение, похожее на б/у гроб на колесах. Возница щелкнул кнутом, и они поехали.

Игг Мухомор знал наизусть все рытвины на дороге и в перерывах между наиболее глубокими успевал подремать. Колеса монотонно скрипели, карета вторила им скрежетом и щелчками, наводившими на мысли об ораве безумных кузнечиков.

МЕНТ проснулся для того, чтобы пережить канаву после Белого моста, и почти заснул вновь, когда возница неожиданно выругался и лошади понесли. Игга Мухомора бросило на стену, и он ударился затылком. Перед глазами засверкали вспышки, в ушах зачирикали птички.

Так же внезапно карета встала.

МЕНТа бросило вперед, и к синяку на затылке добавился точно такой же на лбу.

Если посмотреть сбоку, то командир Торопливых выглядел, скорее всего, довольно симметрично.

– Болван! – заорал он, толкая дверцу кареты. – Что ты себе позволяешь?! Не дрова везешь, а меня!

Дверь открылась, и Игг Мухомор выбрался в осеннюю морось. Возница обнаружился на передке, испуганный, дрожа-

щий, с выпученными глазами и зажатыми в кулаке вожжами.

– Болван! – повторил МЕНТ. – Что случилось?

– Так лошадей кто-то напугал, – ответил возница. – Сначала сзади. А потом спереди. Вот они и встали. Дальше не идут.

– Кто напугал?

– Кто-то серый, мохнатый. С зубами.

Игг Мухомор выругался и в очередной раз дал себе зарок не брать на работу алкоголиков.

Лошади и вправду выглядели странно. Они стояли, трясясь мелкой дрожью, и в остекленевших глазах замер истинно экзистенциальный конский ужас.

– Вольно! – рявкнул на них МЕНТ, пытаясь привести животных в чувство знакомыми методами. – Смирно! Вперед! Шагом марш!

Но лошади на вопли и капли слюны не отреагировали никак, даже ухом не повели и хвостом не дернули.

– Вот зараза! Что же мне, дальше пешком идти?

Игг Мухомор огляделся и обнаружил, что стоят они около кабачка «Потертое ухо» и что до здания стражи осталось с полсотни метров.

– Не могу знать, – откликнулась та часть сознания возницы, что отвечала за общение с начальством.

– А чего, и дойду! Давно пора показать, что я близок к народу. Что я такой же, как все, и только немного лучше.

Произнеся такую подготовительную речь, МЕНТ велел

вознице позаботиться о лошадях и карете, а сам потопал к штаб-квартире. Но через несколько шагов наткнулся на живописно лежавшие тела.

От них разило перегаром, и неподалеку виднелась упавшая в обморок крыса.

Рядом с телами, вытянувшись по стойке «смирно», стоял новенький стражник, чьего имени Игг Мухомор пока не запомнил. МЕНТ заподозрил, что это он напугал лошадей, но, присмотревшись, оставил эту мысль.

Лохматости и зубастости в новичке было не больше, чем в любом человеке.

– А, это ты, сержант, – сказал Мухомор. – Что тут делаешь?

– Согласно уставу прибыл для несения службы, – отпартовал Форн Фекалин, – прямо в распоряжение непосредственного начальника.

– Начальника? А где он?

– Вот.

И Форн Фекалин указал вниз.

МЕНТ пригляделся к похрапывавшим телам. Обнаружил, что они в шлемах и кольчугах и что на голове у одного муха колотит товарку по щекам, чтобы привести ее в чувство.

А еще он узнал лейтенанта Лахова.

– Как? Это невозможно! – проговорил Игг Мухомор, делая попытку отрицания реальности, столь же безуспешную, как и все прочие. Лицо его стало медленно покрываться

багровыми пятнами. – Негодяи! Тупицы!! Лентяи!!! А ну встать!!!!

Крик достиг такой мощности, что в обморок упала и вторая муха. Одно из окошек «Потертого уха», состоявшее больше из пыли и паутины, чем из стекла, разбилось с мягким звоном. С крыш в воздух взвились несколько всполошенных птиц, а тела на земле зашевелились.

– Э? Ы? Што? – произнесло то, что принадлежало лейтенанту Лахову.

– Всех убью, – сообщило вместилище духа сержанта Калиса.

– Дорогая, ну я еще посплю немножечко... – жалобно пролепетал сержант Ргов, дав знать всем, кто еще не знал, что сержант женат.

Он даже попытался подтянуть несуществующее одеяло.

– Встать! Смирно! – завопил МЕНТ, переходя на ультразвук. – Как смеее валяться пьяными в присутствии командира?!

Сказать, что стражники вскочили, – значит очень сильно соврать. С какой-то точки зрения они, конечно, вскочили, но это был крайне медленный вскок. Игг Мухомор смог полюбоваться всеми его фазами, начиная от испуганно выпученных глаз и заканчивая попыткой принять стойку «смирно».

Из кармана лейтенанта вывалилось несколько бумажных пакетиков, из одного посыпался белый порошок.

– Позор! Непотребство! – заверещал МЕНТ, извергая на-

стоящие фонтаны кипящей слюны. – А это что такое?

Он указал на пакетики.

Лахов осторожно скосил заспанные, мутные, в багровых прожилках глаза.

– Не могу знать! – ответил он, и Мухомора замутило от запаха перегара.

– Тогда я сам узнаю! – яростно пропыхтел он, наклонился и подобрал один из пакетиков.

Торопливые обеспокоенно наблюдали за тем, как начальство вскрывает пакетик, сует туда наслюнявленный палец и кладет его в рот.

– Я сразу понял, что это «эльфийская весна», – заметил Ргов, когда глаза МЕНТа стали очень веселыми, на лице объявилась залихватская улыбка, а из ушей пошел пар. – Сто пятьдесят бублей за грамм. Убойная вещь...

– Чего же ты не предупредил? – прохрипел Калис, глядя, как командир Торопливых, тихо и счастливо курлыкая, исполняет медленный вальс на месте.

– А стал бы он нас слушать? Он нас никогда не слушает.

Игг Мухомор остановился и растерянно заморгал.

– Почему перестала играть музыка? – строго спросил он. – И где эти, девушки в легких одеждах? И голубые поющие кувшины, что беседовали со мной о тайнах мироздания?

Лахов, никак не могший врубиться в происходящее, прохрипел:

– Не могу знать!

Взгляд МЕНТа упал на зажатый в руке пакетик.

– Ах, вот что оно такое... «Эльфийская весна». И это выпало у вас из кармана, лейтенант? Откуда оно там взялось?

– Не могу знать! – отозвался Лахов, в голове которого после вчерашней пьянки уцелела одна связная фраза.

– Не можешь?! – Игг Мухомор в ярости подпрыгнул. – Какой ты тогда офицер стражи? Ты – преступник!

Он орал, лейтенант пялился на начальство, а за его спиной шептались похмельные сержанты.

– Может, это те, зеленые, подсунули? – предположил Калис. – Они вокруг нас всю ночь скакали.

– Вряд ли, – засомневался Ргов. – Они же очень маленькие. В чем бы они эти пакетики принесли? Не в зад...

– А ну, вы! – МЕНТ обратил внимание на остальных. – Смирно! Неправильно стоите!

– Да перед начальством как ни вставай, всегда раком получается, – пробормотал Ргов, но так тихо, чтобы его не услышали.

Сержанты вытянулись и изобразили на лицах придурковатую тупость. Со шлема Калиса скатились и шлепнулись на землю две мухи. Игг Мухомор замолчал, стало слышно, как шипит холодная морось, падая на его раскаленный лоб.

– Так, лейтенант, – сказал МЕНТ. – Вы теперь – больше не лейтенант. Я разжалую вас в сержанты.

Лахов открыл рот, но сказать ничего не смог.

Слова мучительно медленно пробивались через пропи-

таннный спиртным мозг. Они задыхались в зловонных парах, ползли по сузившимся сосудам и трясущимся нервным окончаниям.

– Ыых, – жалобно всхлипнул Ргов.

– А командиром вашего патруля станет... – Игг Мухомор осмотрел находившийся перед ним, за исключением лучшего слова, строй, и ткнул в ту его часть, что выглядела трезвой. – Ты!

– Есть! – Форн Фекалин вытянулся и щелкнул каблуками.

– В полдень зайдешь ко мне в кабинет, я объясню тебе обязанности лейтенанта и выдам посеребренный шлем. А ты, бывший лейтенант, – МЕНТ глянул на Лахова, – сдай свой немедленно!

Двигаясь, точно во сне, Поля Лахов снял полированный шлем и отдал Иггу Мухомору.

– Он же его лет пять не снимал, – прошептал Калис испуганно. – Как бы чего плохого не вышло...

– А тебе, новый лейтенант, вот мой первый приказ. Отконвоируешь предшественника в тюрьму и проследишь, чтобы его поместили в камеру.

В этот момент слова наконец добрались до языка Лахова, причем несколько партий одновременно:

– Нельз... Я не вино... Не могу зн... За что?

– За распространение «эльфийской весны», – буркнул МЕНТ. – Пакетики я заберу. Давай, выворачивай карманы, вдруг там еще чего осталось. И вы тоже, чего встали? Отне-

су, ну, чтобы в вещественные доказательства положить.

И по честному лицу командира городской стражи скользнула тень сомнения, как у того, кто берет бутылку самогона напрокат.

Обыскав собственных подчиненных и забрав «дурь», Игг Мухомор удалился.

Лахов всхлипнул. По его небритой щеке, натываясь на щетинки и от этого вздрагивая, медленно сползла слеза.

Проснувшись, Арс осознал, что лежит на чем-то неровном, достаточно мягком, но в то же время слегка дрожащем. В первый момент он едва не поддался панике, но затем вспомнил, как вчера библиотекарь устраивал гостям постель из проштрафившихся книг.

По всему выходило, что студент шестого курса валялся прямо на знаниях, а кое-какие его области выражали по этому поводу недовольство. Причем как куски знания, так и части студента.

Книги легонько пихались и толкались, поясницу Топыряка кололо, а ноги и вовсе затекли. И то и другое было фактом отрадным, поскольку значило, что ноги и поясница на месте, да и вообще тело сохранило привычную человекообразную форму.

Когда проводишь ночь в столь насыщенном магией месте, как библиотека МУ, подобный факт может считаться большой удачей.

– Уааахх, – зевнул Арс и сел.

Мешок Пыль обнаружился за столом, где он чего-то писал при свете толстой зеленой свечи.

– Злобное утро, – сказал гроблин. – Как настроение?

– А ты как думаешь? Еще вчера главной проблемой была дурацкая практика, а сегодня за мной гоняется орава кровожадных чешуйчатых монстров, которые могут превращаться в кого угодно.

– Не так уж все и хорошо. – Библиотекарь сделал какое-то движение, похожее на пожатие плечами. – По крайней мере, вы живы. Ты буди своих друзей. Я приготовил завтрак.

Тили-Тили вскочил сразу, едва только Топыряк толкнул его в бок. Рыггантропова, привыкшего спать на лекциях, пришлось будить долго. Он ворочался, время от времени изрекал: «Да-да, господин поцент, уже иду к доске» – и открывал глаза, но просыпаться не спешил.

Арсу это надоело, и он рявкнул:

– Стража!

– Тикаем! – завопил Рыггантропов и телепортировал тело в вертикальное положение. – Где они?

– Нет никого. Утро, – сообщил гроблин. – Идите завтракать, а потом я расскажу вам все, что узнал ночью.

На завтрак Мешок Пыль предложил студентам тазик желто-серой бурды, похожей на пожилую овсянку, которой довелось испытать много ударов судьбы и даже порости плесенью. К ней выдал три ложки, выточенные из костей. Остыва-

лось надеяться, что не из человеческих.

Представления о том, что такое вкусно, у гроблинов были тоже довольно-таки своеобразные.

– Какая гадость, – совершенно искренне сказал Рыггантропов.

– Я знал, что вам понравится, – кивнул библиотекарь.

Исходя из его системы ценностей, завтрак только что похвалили.

Арс вздохнул и взялся за ложку. Бурда на вкус оказалась не хуже стряпни в студенческой столовой, и тазик довольно быстро опустел.

– Шшш, – удовлетворенно сказал Тили-Тили.

– Точно, неплохо, – кивнул Рыггантропов. – Так что там с этими змееморфами?

Мешок Пыль оторвался от своей писанины:

– Вы поели? Мерзко. Мне удалось найти упоминание о некоем заклинании, которое вынуждает змееморфов принять истинный облик и мешает перекидываться.

– И что от него толку? – уныло спросил Арс, думавший, что им вручат что-то вроде самонаводящегося магического меча, настроенного на древних чешуйчатых гадов с острыми зубищами.

– Если змееморфы примут свой истинный облик, прятаться им станет невозможно. Все поймут, кто именно живет рядом с ними, а разумный прямоходящий ящер, злой и коварный, вряд ли вызовет симпатию.

– Не, не вызовет, в натуре, – подтвердил Рыггантропов. – Их забьют дубинами, и никакая древняя магия тут не поможет.

Против разъяренной толпы и в самом деле мало что может помочь, даже опытному и сильному магу.

– А где само заклинание? – спросил Арс.

– К своей радости, вынужден признать, что в нашей библиотеке его нет. – Передняя часть головы гроблина отразила некие чувства. – А она – лучшая во всем Лоскутном мире. Это значит, что вам придется отправиться к источнику абсолютного знания. К Дурьфийскому оракулу.

– Сссс!

– Верно говорит Тили-Тили. Это же очень далеко... – заметил Рыггантропов. – Пока дойдем, три раза состаримся.

– Может быть, Безумная Пифия подойдет? – спросил Арс, вспоминая главную городскую предсказательницу.

Она славилась очень дурным нравом, громким голосом и тем, что давала обратившимся к ней четкие инструкции.

– Не подойдет. Пифия не занимается магией, она ничего в ней не понимает. Только оракул. Да, он находится очень далеко, почти у самого подножия Влимпа, и дорога занимает много времени. Но это если двигаться обычными путями. Однако есть чары, способные перебросить вас туда мгновенно.

– А кто их знает? – уныло спросил Арс. – Только кто-то из профессоров или даже деканов. И что, мы должны отпра-

виться к кому-нибудь из них и вежливо так сказать: «Приятель, потрать кучу сил и времени, а то нам срочно нужен Дурьфийский оракул»? Так, да?

– Верно. – Мешок Пыль, конечно, читал в энциклопедии статью под названием «Сарказм», но было это давно. – Но, честно говоря, других способов выпутаться из этой истории я не вижу. Кроме того, у Дурьфийского оракула можно узнать насчет боевых заклинаний, действующих на змееморфов. Возможно, такие существуют, просто в нашей библиотеке о них ничего нет.

Арс задумчиво почесал затылок.

И в самом деле, что они могут сделать?

Попытаться уговорить кого-либо из деканов или самого ректора отправить их через половину Лоскутного мира к Дурьфийскому оракулу. Добиться от него внятного ответа и вернуться обратно.

Или выйти наружу и перебить змееморфов голыми руками.

Или сидеть в стенах университета до глубокой старости, питаясь книжной пылью и подачками библиотекаря.

Набор вариантов, честно говоря, был не особенно велик.

Тили-Тили, судя по печально опущенным кончикам ушей, пришел к схожим выводам. Рыггантропов, судя по приоткрытому рту и отсутствующему взгляду, снова задремал.

Если бы уныние могло выражаться холодом, стены биб-

лиотеки покрылись бы инеем.

Площадь Изопилия находится в самом сердце, или, если быть более точным, в самых печенках Ква-Ква. Она знаменита памятником одному из прежних мэров, что выполнен в виде громадного початка кукурузы.

А еще тут находится главный городской рынок.

Поэты сравнили бы его с морем, но это издалека. Вблизи рынок напомнил бы им колоссальную выгребную яму, в которой сдох старый мамонт, а на его трупe поселилась большая стая сорок.

А еще рынок походил на лабиринт.

В общем, метафор было столько, что хоть продавай их по оптовым ценам.

Как ни странно, поэты не торопились воспевать рынок. Наверное, потому, что падали в обморок, не дойдя до площади Изопилия двух-трех кварталов. То ли от шума, то ли от запаха. Впрочем, рынок от отсутствия поэтов не очень страдал. Здесь имелось много разумных (хотя бы условно) существ всякого другого рода.

И однажды холодным осенним утром двое из них решили побеседовать.

– Привет тебе, сосед, – сказал эльф Переэль, много лет торговавший растениями, предназначенными как для поедания, так и для иного, много более интересного применения.

– И ты не хворай, – отозвался хозяин соседнего прилавка,

гном Дранный Фартук. Его товаром были горшки, большей частью битые и дырявые, хотя меж них, к удивлению хозяйна, порой попадались целые. – Ты не находишь, что сегодня на рынке воняет?

Эльф невозмутимо, как и положено эльфу, огляделся. Отыскал витавшие в воздухе облачка запаха и сказал:

– У нас вроде всегда пахнет тухлым... в смысле, свежим товаром.

– Не, – покачал бородой Дранный Фартук. – Обычно его покупают, и запах не успевает укорениться.

«Ароматы» на площади Изопилия были такие, что могли запросто пускать корни.

– Покупателей в последние дни и в самом деле меньше, чем обычно, – осторожно заметил эльф, думая, как бы не выйти из имиджа бесстрастного перворожденного. – Я думаю, что это потому, что назгулы пробудились...

– Опять ты про своих назгулов? – отмахнулся гном. – Сколько лет тут стою, все про них слышу и ни разу не видел. Хоть бы заглянули к нам, раз уж пробудились.

– А в чем тогда дело?

Тут один из компонентов текущей мимо толпы проявил интерес к товару, и Переэль мгновенно забыл про разговор.

– Што это? – подозрительно спросила ветхая, но шустрая бабуля.

– Салат, – ответил эльф.

– А пошему он синий?

– Ну, сегодня же холодно. Вот и посинел. Возьмите ядерный чеснок, от него убегают все болезни, – Переэль забыл упомянуть, что от запаха этого чеснока дохнут мухи. – Или вот...

– Горшки! Горшки! – пронзительно завопил Дранный Фар-тук. – Тонкие, звонкие! Бубль – штука! Бери, торопись, пока не разлетелись!

– Это што, пока не развалились? – осведомилась бабуля.

– Пока не раскупили, – уточнил гном. – Вот, смотри...

– А еще есть помидоры! Круглые, красные, на загляде-
нье, – повысил голос эльф. – Очень дешево.

– А я думала, што это вишня.

Но сбить Переэля с толку смогла бы разве что ядерная бомба, свались она прямо на прилавок.

– Назгулы пробудились! – истоиво сверкая глазами, провозгласил он. – Взломщик покинул Шир! Поэтому помидоры и вишня...

И тут эльф понял, что вешает лапшу на уши пустому месту. Покупательница исчезла, так ничего и не купив.

– Ушла, – констатировал гном. – О чем я тебе хотел сказать-то. Слухи ходят, что некое чудище в городе завелось невидимое. Бродит по улицам и дышит огнем невидимым. И всюду, куда этот огонь попадает, исчезает золото.

– Невидимое золото?

– Нет, обычное.

– Откуда же узнали про это чудище, если оно невиди-

мое? – спросил Переэль.

– Ну, кто-то разглядел, – пояснил Дранный Фартук. – Но смысл-то не в этом. Золото исчезает. Мой двоюродный брат Помело служит в сервисном центре «Зосовы и зопоры», так вот его вызывали в мэрский дворец...

Эльф слушал, недоверчиво пошевеливая острыми ушами, и бесстрастное лицо его становилось все менее бесстрастным.

– Не знаю насчет чудища, – сказал он, когда гном закончил. – Но золота в городе стало меньше. Куда-то оно все же девается.

– Тяжелые времена, – вздохнул Дранный Фартук. – Или, как говорят всякие умники... кр... кр... кризис...

Слово услышали за соседним прилавком, его поймала пролетавшая мимо ворона, и оно пошло гулять по Ква-Ква, обрастая такими подробностями, каких не изобретет самый умный умник.

В огромном, обитом алой кожей кресле ректор Магического Университета Глав Рыбс выглядел точно длинный белый язык во рту хищника. Вот только языки не имеют обыкновения скептически щуриться, ерзать и окидывать собеседников презрительными взглядами.

– Так вы хотите, чтобы мы вам помогли? – спросил Глав Рыбс, когда Винтус Болт замолчал.

– Не нам, а городу! – патетически воскликнул Дубус

Хром-Блестецкий.

С таким же успехом он мог взывать к патриотизму возлезающего в луже помоев хряка.

– Не знаю, как насчет города, а у нас все хорошо, – заметил ректор, и легкое дребезжание в его голосе дало понять, что глава МУ раздражен.

Глав Рыбс не преувеличивал.

Магический Университет веками функционировал не по законам экономики, а вопреки им. Большого количества золота в его стенах никогда не водилось, а маленькое, что все-таки попадало, быстро прибирали себе обгорелые, худые и всклокоченные типы с кафедры алхимии. В их руках оно быстро и бесследно исчезало.

Истинное богатство университета хранилось не в сундуках и подвалах, а в головах и на страницах.

Кроме того, ни одно, даже самое сильное заклинание не сунется внутрь МУ. Кому охота быть записанным и потом до скончания века проторчать в темноте, на страницах пыльного фолианта?

Сложные заклинания обладают чем-то вроде разума и поэтому стараются действовать где-нибудь подальше от здания на лево-западной окраине Ква-Ква. Где-нибудь там, где их не запишут.

– Ну... если городу плохо, вам не может быть хорошо... – проговорил Хром-Блестецкий без особой уверенности.

– Может, – кивнул ректор, и отцы-основатели на портрете

над его головой затрясли бородами.

Они провисели на этом месте несколько тысячелетий и за это время точно узнали, что может быть, а что не может.

– Э... ну, если вы поможете, то мэр будет вам благодарен, – сказал Винтус Болт, вытащив из кармана последний козырь.

Глав Рыбс задумался.

Благодарность мэра – штука полезная, ее можно обменять на что угодно. Например, на забывчивость. Как городская власть много лет не вспоминает, что университет не платит налогов, так может и дальше не вспоминать, даже если перепившему пива чиновнику придет мысль ввести пошлину на бороды и длинные мантии.

– Хорошо, – сказал ректор. – Но один я принять такое решение не могу. Сейчас созову учебный совет, и мы подумаем.

Винтус Болт и Дубус Хром-Блестецкий остались сидеть неподвижно, но на самом деле каждый из них вытер со лба честный трудовой пот. Убедить толпу в чем-то намного легче, чем одного человека, – это маги-управленцы знали точно.

– Дежурный! – заорал Глав Рыбс.

За дверью кабинета послышались шаги, и внутрь заглянул преподаватель в синей мантии факультета умозрительной магии.

– Деканов ко мне – немедленно, – велел ректор.

Преподаватель кивнул и исчез.

Через десять минут начали прибывать деканы. Первым явился похожий на копну сена в трауре мэтр Шизомудр. Торжественно пронеся свою тушу от двери до одного из гостевых стульев, он придавил тот к полу. Мгновением позже рядом с коллегой прямо из воздуха материализовался мэтр Сизопуст, обманчиво моложавый, с безумным блеском в глазах.

Обладатель такого блеска легко разберет на части тысячу человек, чтобы узнать, как работает изобретенный им новый скальпель.

Мэтр Тугодум и мэтр Умно-Заливайский явились одновременно, из-за чего в дверях возникла небольшая свалка. Ректору пришлось прикрикнуть, чтобы деканы, не желавшие уступать друг другу первенство, перестали пихаться, словно первоклассники.

– Эй, хватит вам! – рыкнул Глав Рыбс, и из углов кабинета ему поддакнуло шепчущее эхо. – А ну, садитесь!

– Да, ваша милость, – хором ответили мэтр Тугодум и мэтр Умно-Заливайский, после чего затопали к столу, бросая друг на друга взгляды, полные самых братских чувств – ревности и подозрительности.

– Так лучше, – кивнул ректор. – Начинайте, господа.

Винтус Болт открыл рот, собираясь повторить рассказ о том, что происходит в городе. Но тут дверь кабинета открылась, и внутрь шагнул очень старый эльф в зеленом кафтане.

– Бульк хляпл нужно поймать его! – заявил он, тряхнув

бородой, какой позавидовал бы и гном.

– Кого? – удивился Глав Рыбс. – Это кто? Один из наших преподавателей?

Деканы дружно отвели глаза.

Честно говоря, никто из них не мог похвастаться тем, что знает всех работников своего факультета. Ладно прохфессора, их немного, а запоминать всю остальную мелкую шушеру – головы не хватит...

– Ибо опасен он фырульк! – продолжал вещать эльф, бурявя Глав Рыбса безумным взглядом. – И вы должны мне помочь!

– Вряд ли, – заметил мэтр Тугодум. – На нем нет мантии. Остальные деканы дружно издали облегченный вздох:

– А...

– Ну-ну...

– А я думал...

– Тогда как он проник сюда? – спросил ректор.

– ...зубаст зело, покрыт чешуей хлюп-хлюп, и облик свой менять может... – бормотал эльф, бочком подбираясь к Глав Рыбсу.

Старший хранитель музея Натуральной истории несколько повредился в рассудке после блуждания по бюрократическим лабиринтам городской администрации. Его много раз отправили за какими-то документами, неоднократно проигнорировали и трижды грубо послали.

Такого не выдержит даже закаленный столетиями жизни

эльфийский рассудок.

– Ну, эльф и есть эльф, – сказал мэтр Сизопуст. – Всем известно, что представители этой расы отличаются повышенной проникающей способностью. Не успеешь оглянуться, как они тут как тут.

– Дяк штик древен зело и злоумышления любит! – Старший хранитель мертвой хваткой взялся за ручку ректорского кресла. – И помощи жду я от вас! Ибо стража не помогла мне, и там мне не...

– Этот тип немного мешает, – сказал Глав Рыбс.

Он нахмурился и махнул рукой. Вокруг эльфа появилось что-то, похожее на огромный мыльный пузырь, повисело несколько секунд и исчезло. Но бормотание затихло, а взгляд незваного гостя уткнулся в стенку немного пониже портрета отцов-основателей.

– Что вы с ним сделали, ваша милость? – спросил мэтр Шизомудр.

– Заключил в кокон иллюзий. Ему кажется, что мы все его очень внимательно слушаем и готовы помочь.

Ректор, несмотря на недостатки характера, был очень сильным магом.

– А теперь вам слово, – Глав Рыбс длинным, похожим на рыбью кость пальцем ткнул в Винтуса Болта.

– Некоторое время назад... – начал тот.

Деканы слушали рассеянно. Мэтр Шизомудр дремал, Умно-Заливайский позевывал в кулачок. Сизопуст рисовал

пальцем на столе руны и бормотал какую-то чушь, а Тугодум сверлил магов-управленцев полным раздражения взглядом.

– Так вот, господа, – сказал ректор, когда Винтус Болт замолчал, – может быть, кто-то из вас хочет что-то сказать?

С рокотом, точно Ктулху, восстал ото сна мэтр Шизомудр.

– Конечно, – проговорил он. – В преподавательской столовой давно пора сменить повара. А то неловко есть котлеты со щупальцами. Они цепляются за тарелку и за вилку тоже. И я...

– Я имею в виду – по существу дела. – В голосе Глав Рыбса появилось дребезжание, и деканы, хорошо знавшие, что это значит, напряглись.

– Исходя из теоретических предпосылок концепции Цфайзештейна... – начал мэтр Сизопуст.

Он говорил еще минут пять, и мудреные слова дрейфовали по комнате, оседали на стол и на пол, заставляли колыхаться портьеры на окнах. Но в уши слушателей они не проникали, поскольку знали, что не встретят там ни понимания, ни просто теплого приема.

– Хм, и что все это значит? – спросил Винтус Болт, когда блестящая, умная, красивая и бессмысленная речь закончилась.

– Это значит, что наш коллега ничего не знает, – язвительно заявил мэтр Тугодум. – Но изо всех сил это скрывает.

– А ты?

– Я тоже не знаю, но хотя бы не стесняюсь этого!

Беседа грозила скатиться в обычную межфакультетскую склоку, и Глав Рыбс спешно вмешался.

– А ну, заткнулись, оба, – велел он. – Мэтр Шизомудр? Умно-Заливайский? Вам есть что сказать?

– С такой магией мы не сталкивались никогда, – заметил толстый декан, – и поэтому не знаем, как с ней бороться. Можно попытаться отследить параметры заклинания, но это займет месяц-другой...

Дубус Хром-Блестецкий побледнел и прошептал:

– За это время все золото в Ква-Ква станет рыжей трухой. А что случится с городом, сложно представить.

– Или можно обратиться к тому, кто знает, – предложил мэтр Умно-Заливайский.

– К кому? К богам? Или к демонам? – Ректор поморщился.

От общения и с теми, и с другими у него остались крайне неприятные воспоминания.

– Есть еще Дурьфийский оракул, – сказал мэтр Сизопуст. – Он вроде бы как раз на всякой магии специализируется.

– Но где он, а где мы? – Винтус Болт вздохнул так, что разжалобил бы и стаю пираний.

Деканы оживились.

– Это как раз не проблема, – бодро заявил Глав Рыбс. – Заклинание переноса соорудить – раз плюнуть. Отправим одного человека, а лучше десятка полтора. Пусть мэр решит,

кого именно, и присылает их в университет к полудню. А мы пока начертим круг, приготовим жертвы и все такое.

– О, спасибо! – завопили в один голос Винтус Болт и Дубус Хром-Блестецкий.

– И заберите с собой этого эльфа.

Прозвучали шаги, проскрипели петли, стукнула закрывшаяся дверь, и только после этого мэтр Тугодум очень тихо спросил:

– Ваша милость, а зачем посылать туда полтора десятка человек? Для того чтобы задать вопрос, хватит и одного.

– Ты что? – Ректор посмотрел на декана так, словно тот выказал желание порыбачить в сортире. – Ни разу не читал описания этих самых дальних путешествий? Пустыни, моря, затерянные города в джунглях! Там же кто-то обязательно гибнет, процентов пятьдесят-шестьдесят. Так что лишние все равно отсеются.

– А где мы их возьмем, лишних? – пропыхтел мэтр Шизомудр.

Глав Рыбс улыбнулся широко, точно акула перед ужином:

– Кое-кого пришлет мэр. А еще – у нас полно студентов. Наверняка среди них найдутся идиоты, которые вызовутся добровольцами.

Дверь камеры открылась с душераздирающим скрипом.

– Ну что, заходи, – проговорил сержант Гриббл, огромный, точно тролль, но состоявший не из камня, а из жира.

В данный момент вся туша сержанта, а особенно та ее часть, где располагалось лицо, выражала смущение и недоумение. Нечасто Торопливым приходится сажать друг друга под замок.

– Сейчас. – Лахов повернулся к друзьям. – Ну, вы это, не поминайте меня лихом. Я правда не знаю, откуда эти штуки взялись.

Ргов зарыдал, в седьмой раз за сегодняшнее утро. Калис закрипел зубами так, что Гриббл бросил встревоженный взгляд на стену – не сыплется ли кладка? Форн Фекалин не изменился в лице.

– Мы знаем, что ты невиновен, – сказал Ргов. – А вообще, вообще... мы готовы пойти с тобой в неволю...

Чтобы озарить крошечный и темный мозг Васиса, много света не требовалось. Но мысль, в этот момент проникшая в его череп, была на самом деле яркой, слишком яркой для простого стражника.

– В эту камеру? Зачем? – спросил Калис.

– Чтобы показать... ну... солидарность... – мозг Ргова работал, точно поршень в двигателе гоночного автомобиля, – против... незаконного произвола...

– Ага, – это Калис мог понять.

Он всегда считал, что произвол должен быть только законным.

– Так ты идешь или нет? – спросил сержант Гриббл, начавший терять терпение и уставший от разговоров.

– Мы идем! – гордо заявил Ргов, хватая за руку Калиса и пытаясь столкнуть его с места.

С таким же успехом он мог двигать холм.

Лахов перешагнул порог, и тут сержанты, привыкшие следовать за начальством, сдвинулись с места. Закрылась дверь, проскрежетал замок, неспешно пополз толстый засов.

– А ты чего, остаешься? – спросил Гриббл у Форна Фекалина.

– А у меня еще здесь дела, – ответил тот. – А у меня дома детей мал мала. Да и просто хотелось пожить. А?

– Ну-ну, – засопел сержант, и они двинулись прочь от камеры.

А Лахов, Ргов и Калис изучали ее внутренности.

Они были довольно грязными, вонючими, тесными и обильно населенными. Тут имелось с полдюжины двухэтажных коек, покрытый слоем как бы грязи пол, забранное решеткой оконце под потолком, в которое с трудом пролез бы кулак ребенка. В качестве аборигенов присутствовал десяток бандитского вида типов.

Срез преступного мира Ква-Ква.

Только сделан он был у самого дна криминального мира, ведь настоящие, крупные уголовники в тюрьму никогда не попадают.

Сидят себе в просторных, хорошо освещенных кабинетах, попивают мартини на далеких островах, наслаждаясь заслуженным отдыхом, или машут проходящим войскам с трибу-

ны.

На одной из коек два фея играли в карты, нечто объемистое дрыхло под драным одеялом, издавая наводящий на мысли о прибое рокот. Гном расчесывал бороду, вампир работал пилкой, подправляя маникюр. Несколько татуированных, голых по пояс мужиков рисовали что-то на стене.

– Гля, новенькие, – сказал один из них, почесывая отвисающее пузо, похожее на мохнатое яйцо.

– Реально, они, – подтвердил второй. – И, типа, чего это они в шлемах, панцирях и с мечами?

О том, чтобы лишить соратников оружия и снаряжения, Гриббл и не подумал в силу отсутствия дурной привычки думать. Кроме того, такого приказа от начальства не поступило.

Вампир оторвался от ногтей и мрачно сверкнул алыми глазами.

– Да это стражники, – сказал он. – Этого, здорового, я знаю. Зовут его... Дупа.

– А за дупу кто-то счас получит в репу, – занервничал Калис. – Или ты, Легкий Шмыг, давно харей в пол не лежал?

Вампир был знаменит на весь Ква-Ква как большой любитель ходить в гости. Только визиты он наносил всегда в отсутствие хозяев и на память обязательно забирал ценные вещи.

– И тут от них покоя нет, – проворчал гном-медвежатник по кличке Один Момент. Именно столько времени ему

требовалось, чтобы вскрыть самый лучший сейф. – Идешь в тюрьму с чистой совестью, думаешь, в натуре, что хотя бы тут тебя арестовывать не будут... Ужас какой-то!

– Расслабься, Один Момент, – сказал Лахов. – Мы теперь с вами в одной лодке. Меня самого посадили.

Лица уголовников удивленно вытянулись.

Мозги находившихся в камере особей не предназначались для осмысления столь сложных жизненных коллизий.

– А у вас тут чего? – полюбопытствовал Ргов, подходя к рисовавшим на стене мужикам.

– Типа календарь, – сообщил один из них. – Чтобы дни отмечать, в натуре, не просто так, а по понятиям.

Всем известен простейший тюремный календарь – палочки, которые нужно зачеркивать.

Обитатели камеры оставили его так же далеко позади, как Сергей Павлович Королев – китайских изобретателей ракеты. Они изобразили на стене перекидной календарь, все двенадцать листов, и к каждому сделали рисунок: к зимним, как положено, сосульки, снежинки и отмычки, к летним – солнышко, птичек и кастет, к осенним – дождевые капли, зонт и кинжал, над весенними еще шла работа, но там угадывались очертания ломика, ветки с почками и мухи.

Учитывая, что работа производилась в технике ногтем по грязному камню, выполнена она была с необычайным мастерством.

– Прикольно, – оценил Ргов.

– А ну-ка, освободите койки, – сказал Калис. – Хоть отоспимся тут, если никто не помешает.

– Не кричи. – Гном покосился на спящего. – Поцента разбудишь. Ну вот, уже разбудил.

Храп прервался, одеяло отлетело в сторону. Из-под него поднялся еще один лысый, покрытый татуировками, кривоногий мужик, отличавшийся от других только еще большими размерами волосатого брюха.

– А это кто у нас тут? – спросил он, выпучивая бешеные глаза. – Моргалы выколю! Рога поотшибаю! Редиски!

– Тихо, не суетись, – проговорил Лахов. – А не то Калис тебе сейчас моргалы и в самом деле выколет. Арбалетной стрелой.

Поцент был известен тем, что питал страсть ко всяким антикварным побрякушкам, особенно к шлемам. В археологии он разбирался лучше иных преподавателей МУ, за что и получил прозвище.

– А, волки позорные, – пробормотал он, опускаясь на койку. – Тенты поганые. Ладно, я вам еще... хррр...

И Поцент заснул, даже не замотавшись в одеяло.

– А за что вас посадили-то? – поинтересовался Легкий Шмыг.

– Много будешь знать – скоро состаришься, – ответил Лахов, забыв, что говорить такое вампиру по меньшей мере нетактично.

Но Легкий Шмыг решил скандала не затевать.

– Эй, Чук и Гек, освободите койку, – сказал он. – Еще вон те две свободны, в дальнем углу.

– А почему мы? – густым басом спросил тот из фей, что был красноватого цвета и поэтому назывался злым.

– В натуре! – поддержал сородича второй, синеватый, именуемый добрым.

– Потому, что вы самые мелкие, – буркнул Калис. – А ну, слазьте, иначе дыхну, в обморок упадете!

В ответ феи бросили карты, спрыгнули с койки и ринулись в драку.

Далее произошла совокупность процессов, которую можно описать последовательностью звуков: топ-топ-топ – хых – бдыщ – хлоп – бдыщ№ 2 – ойейейейойей! – хлоп№ 2.

– Вот так. – Калис отряхнул кулаки и обвел камеру взглядом. – Вопросы есть?

Вопросов не было, и вскоре в камере стало на три храпевших тела больше.

А еще в населявшем ее запахе появился новый компонент, весьма необычный для тюрьмы.

Арс похлопал себя по щекам, грозно нахмурил брови, напряг мышцы и сжал кулаки. Короче говоря, произвел телодвижения, к каким прибегает человек, решивший вызвать у себя прилив смелости.

Увы, смелость на ритуальный вызов не ответила.

– Шшшш? – Тили-Тили вопросительно посмотрел на То-

пыряка.

– Мы что, идем, в натуре? – спросил Рыггантропов.

– Идем. Да. Конечно, – ответил Арс, не двигаясь с места.

– Маленькой неудачи, – пожелал Мешок Пыль из-за стола.

Йода зашагал к дверям, за ним направился двоечник, и Топыряк был вынужден сделать первый шаг. Хотя он с куда большим удовольствием остался бы тут, во тьме и безопасности библиотеки.

По лестнице удалось подняться без приключений. Зато в коридоре Арс, краем глаза заметив приближающегося студента, с воплем метнулся в сторону. И врезался бы в стену, не прояви Рыггантропов не свойственной ему обычно расторопности. Он взял Топыряка за шкуру и поднял в воздух.

– Сссс? – поинтересовался снизу Тили-Тили.

– Будь спокоен, Трали-Вали, – буркнул двоечник. – Ведь все в порядке?

– Ага, да. В полном. Я просто задумался, кого проще уговорить нам помочь.

Выбор был не очень велик.

Достаточными умениями и колдовской силой для создания заклинания переноса обладал ректор, четверо деканов и некоторые из профессоров. Глава университета и факультетов отпадали, слишком уж важные это были персоны для того, чтобы они согласились помочь студентам.

Оставалось найти какого-нибудь профессора, в достаточной мере сильного, дабы отправить троих студентов к

Дурьфийскому оракулу, и в то же время склерозного, чтобы запудрить ему мозги.

Таких в МУ хватало, взять хотя бы заведующего кафедрой пограничной магии профессора Крупицу или его коллегу с кафедры магии искусства, Синууса Фляка, по совместительству начальника службы безопасности университета.

Вот только где их сейчас искать?

– Ну и чего придумал, типа? – спросил Рыггантропов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.